

Максуд Ибрагимбеков

КОНЦЕРТ ДЛЯ БАРИТОНА С ОРКЕСТРОМ

Глава I

Все молчали. А что им еще делать? Человеку для полноценного отдыха непременно нужна тишина. А в нашей комнате отдыха, если не обращать внимания на гул, доносящийся из-за запертой двери, на шелест кондиционеров и сопение, временами переходящее в чмокание и чавканье, можно сказать, было тихо.

Я тоже молчал и одновременно с этим ощущал, как растет в моем теле число жил, в которых начинает застывать кровь. Этот процесс значительно ускорился, когда периодическое чавканье и прерывистое чмокание сменились устойчивым хрюканьем напополам с тонким противным свистом.

Ребята переглянулись, но никто и не подумал сдвинуться с места. В конце концов, любой человек имеет право заснуть там, где находит нужным. А если спящий в этом конкретном случае руководитель оркестра и свое прозвище Глыба получил не за умение играть на роле, то, разумеется, за ним остается еще и право спать так, как он умеет.

Мгновенно засыпает в любом положении. Я один раз видел, как Сеймур заснул, стоя на эскалаторе. И проснулся вовремя за две ступеньки до конца лестницы.

Перешагнув через две пары ног, я подошел к Сеймuru. Он спал, откинув голову на спинку кресла, точнее, закинув за нее. Распахнутый рот и мощный кадык под распушенным галстуком выполняли роль динамика с ревербератором. Яростный визг и рычание овчарки в момент, когда, обернувшись на бегу, шпион выпускает в нее еще две пули из бесшумного пистолета, утихли, когда я положил ему на плечо руку.

- Что это стряслось сегодня с ребятами? - стараясь говорить в самом теплом тоне, спросил я. - Ой, извини, ты, кажется, спал?

Он уставился на меня покрасневшими глазами.

-Я, наверное, храпел? Да? - мгновенная реакция.

- Ты? Только не преувеличивай, - из своего кресла сказал Адиль. - Только не преувеличивай. Вот одной моей знакомой балерине казалось, что она храпит. Из-за этого уговорила врачей, чтобы ей гланды вырезали. До того стеснялась, что почти спать перестала.

- С кем? - все, значит, окончательно проснулся. Ни разу человек не упустил возможности изящно и тонко сострить. Богатейший юмор. Я бы его в специальных цистернах отвозил бы за город в целях поднятия урожайности садов и огородов. Ты что хотел? - это он у меня спрашивает.

- Спрашиваю, что сегодня с ребятами случилось. Да и у тебя самого не все ладилось.

Это правда. Не шла игра, и все тут. Я даже не припомню, когда в последний раз такое случалось. Сидели на сцене девять человек, старались изо всех сил, даже вспотеть ухитрились, а пользы никакой, скорее наоборот.

-- Не первый класс, что и говорить, - согласился Сеймур. - А с другой стороны, за те башли, что нам здесь выдают, нормально сыграли. Опять же первое отделение, не успели разыграться. Верно я говорю?

В дверь деликатно постучали, и на пороге появился дружинник.

- Вас хочет видеть один человек, - сказал он Сеймуру.

- Человек? - удивленным голосом произнес Сеймур. - Как он сюда забрел? Он посмотрел на нас, и мы отозвались улыбками одобрения. Все, кроме Адила. Ему все сходит с рук. - Из зала, что ли?

Последний вопрос был излишним, добровольцы-дружинники для того и стояли у дверей, чтобы обеспечить нам отдых в виде изоляции от общительных ценителей искусства. В комнату каждую минуту норовит кто-нибудь голову просунуть. А дружинники не разрешают. Кому вежливо, а кому с применением специальных жестов.

- Да нет, - сказал дружинник. - Взрослый. С виду начальство.

- Впускай, - сказал Сеймур, он встал, подошел к зеркалу и, стоя спиной к двери, начал медленно завязывать галстук.

На начальство не очень похож. Шляпу он не снял, но казалось, что сквозь бурый фетр просвечивает лысина. Есть такие люди, они даже в головном уборе лысыми выглядят. Ай-яй-яй! Носик в красных прожилках, и мешки под глазами, наверное, по тем же причинам образовались. Костюм темно-серый, то есть везде серый, а впереди брюки и полы пиджака потемнее. Специальный костюм для ежедневного утреннего хаша. Если сказать откровенно, то во всей его внешности, включая глаза, усы и туфли, мне больше всего понравился портфель. На толстую коричневую собаку похож - куда хозяин, туда и она. А сейчас свернулась у ног, ни морды не видно, ни хвоста.

- Здравствуйте, я к вам по делу пришел. У меня к вам есть предложение, он раскрыл портфель и вынул из него какую-то бумагу, потянулся за второй.

- Давайте только заранее договоримся, на траурных процессиях и других торжествах не играем, - сообщил ему Сеймур, и мы все разом кивнули.

- Прекрасная шутка. С одной стороны, изысканная, с другой, - деловая, - он поднял от портфеля голову и уставился на Сеймура. Сперва сказал все слова с самым серьезным видом, а потом уже, глядя в упор на Сеймура, улыбнулся. А улыбка донельзя развеселая, губы растянул до ушей, а между ними сплошь золото, хром и пластик. Стоит так и улыбается, улыбается и молчит.

Сеймур пропустил еще два такта, потом спросил:

- Так какое у вас ко мне дело?

- У меня к вам поручение от филармонии. Выгодное для вас. Очень выгодное! - с расстановкой сказал он.

- А филармонии, конечно, сплошные убытки, - в тон продолжал Сеймур.

- Какая вам разница, - меланхолично сказал пришелец, - выгодно ей или в убыток? Она, филармония, ведь не человек, в основном это здание. Вы о себе подумайте. А вам это действительно выгодно. Если хотите знать мое мнение, вам повезло.

Я только сейчас заметил, какие у * него хитрые блестящие глаза. Ну и жук!

- Что она предлагает коллективу, можно сказать, самодеятельному, - все лето гастроли по курортам Крыма и Черноморского побережья. Два-три концерта в день. Ялта, Симфиз, Гагра, Севастополь. Жить будете в лучших гостиницах, - он прислушался. Конечно, я ошибся, иначе и быть не может, но мне показалось, что он прислушался к третьему звонку за секунды полторы до того, как он зазвенел.

- О делах после работы! - сурово сказал Сеймур, Да чего тут думать?! Такое и во сне не привидится! На все лето в Крым! Это Сеймур сейчас оркестру цену набивает. А вдруг этот тип раздумает и уйдет? Может быть, он обидчивый. Насчет самодеятельного коллектива он, конечно, загнул. Второго такого оркестра в Баку не найдешь. Да и каждый из ребят в отдельности многого стоит, хочешь, по нотам чешут, хочешь, - по буквам. Возьмем хотя бы Сеймура, пианист он классный...

- А я не тороплюсь, - сказал владелец портфеля и улыбнулся, нам всем вместе и каждому в отдельности, так что на долю каждого пришлось по несколько каратов ценных и менее ценных металлов. - С вашего разрешения я вас послушаю. Из-за кулис...

Мы все вышли из комнаты. Адиль меня придержал за рукав.

- Узнал?! Эх ты! Это же наш сосед бывший. В доме напротив жил.

Я свое детство редко вспоминаю. То ли не хочется, то ли само собой не вспоминается. Прежде чем до сцены дошли, я его вспомнил.

- Не может быть! Адиль кивнул.

- Он, он.

Неужели так можно измениться? Совершенно другой человек. С другой стороны, мы ведь тоже другими людьми стали. Он ведь лет на пятнадцать, наверное, старше нас. Виолончелист. На виолончели он в оркестре играл, а у себя дома - на рояле. Я очень ясно все вспомнил, пока мы шли от комнаты отдыха до кулис. На всю улицу было слышно, как он играет, особенно летними вечерами. А когда он начинал играть одну вещь, он ее часто играл, я сразу же отходил в сторону, если был не один, потому что у меня ни с того ни с сего вдруг наворачивались на глаза слезы. За минуту до этого я нормально разговаривал, а стоило ему начать ее, как у меня, словно я психопат Мамед Гасанов, который до восьмого класса писал в постель, выступали слезы. Я потом узнал, что это был "Революционный этюд" Шопена.

У него дома часто собирались гости. До поздней ночи было слышно, как они веселятся. Я у него дома ни разу не был, но все равно надолго запомнил один вечер. Я и сейчас его вспомнил, как будто это вчера все было, а не пятнадцать лет назад.

Я вышел на уличный балкон, в доме напротив все окна были темными только на балконе светились красноватыми огоньками сигареты, как будто светлячки время от времени

взлетали и садились. Взлетят, покружатся в воздухе и снова садятся. Женщина в темноте читала стихи. Я до сих пор помню запах ее духов. Один раз только пахнуло, а я запомнил и ни с каким другим запахом не перепутаю. До чего она их хорошо читала! Я, наверно, совсем сонный был, потому что я видел в темноте слова, что она произносила. Честное слово, я это видел. Я все боюсь, что когда-нибудь забуду, что я это на самом деле видел, боюсь, что когда-нибудь начну думать, что мне это показалось. Раньше я тот вечер часто вспоминал, а в последнее время ни разу. Перед тем как взлететь, слова складывались в лесенки и пирамидки с острыми выступами и пахли прохладной водой и еловыми шишками. Я не видел лица женщины, которая в тот вечер читала стихи, я только слышал ее голос, но я почувствовал, что она удивительно красивая, я потом ее и во сне видел. А он, скорее всего, этот вечер и не запомнил! Гости у него часто собирались. Разве все вечера запомнишь? Зал битком набит. Стоять тесно, а они еще танцевать ухитряются. Как ребят увидели на сцене, захлопали, засвистели в знак уважения и любви. Начали! Нормально пошло! Не то что в первом отделении. Девять человек всего, а звучит так, как будто на сцене большой оркестр. Это уж целиком Адиля заслуга, оркеструет все он. Аккорды, как в большом оркестре, расписал, вот и звучит соответственно... Медь вступила, вся группа одновременно. "Самодеятельный", как же! Я, например, считаю, что у нас самые лучшие ребята собрались - все до единого с листа запросто читают, а таких музыкантов, как Адиль и Сеймур, по всей стране по пальцам пересчитать можно; Я лично не встречал человека, который мог бы, как они, свободно импровизировать, и каждый раз по-новому - хотите в заданной гармонии - пожалуйста, а когда у Адила хорошее настроение, он такое может выдать без всякого соблюдения ритмической структуры, что понимающий человек два часа согласится после концерта прождать только для того, чтобы подойти руку пожать. Молча, без всяких лишних слов. И ждет. А вообще в каком-то смысле мы действительно любители, кроме музыкальной десятилетки, за Душой ничего нет...

...Через пять-шесть минут мне выходить. Тысячу раз слово себе давал в день выступления как следует распеться дома и перед выходом часик полежать. Пасть-то пса от зубов до связок холодная, на коньках кататься можно! Следовало бы хоть сейчас распеться... А этот мой бывший сосед тоже, оказывается, здесь. Отошел. С другой стороны, чего мне волноваться, не на конкурсе же петь предстоит. Как умею, так и спою! Чего ему нужно? А термос где он раздобыл, интересно? Отвинтил крышку, налил, молча протянул мне. Телепатия, и только. До чего приятно! Горячий чай всего-навсего, а как действует! До конца стакан допить не удалось.

По сцене чуть ли не на ощупь пробираюсь, дурак светотехник - как упер мне в глаза свою пушку, так ни разу и не отвел ее, пока я в микрофон не вцепился. У микрофона увереннее себя почувствовал. Нормально все идет, нормально!

Борис на ударных в целях дальнейшего укрепления и подъема авторитета и популярности оркестра и солиста рассыпает бреки пригоршнями. Зал тоже в кондиции, хлопают, начать не дают. Пригляделся - полгорода в зале. На традиционный вечер в нефтяном институте за две недели вперед билета не достать. Сегодня у них медицинский в гостях, но, если присмотреться, из любого института ребят, кого хочешь, можно увидеть. Только мне присматриваться ни к чему, у меня сегодня другие заботы...

Я обернулся, кивнул Сеймуру, он положил руки на клавиши, лапищи, пол квадратного метра каждая, мягко положил, даже я еле услышал, а в зале сразу утихли. Очень мне это понравилось, приятно с понимающими людьми дело иметь. Мы никогда заранее не договариваемся, с чего Я начну, - Сеймур сам каждый раз уже прямо на сцене решает, что, мне, петь. И что самое удивительное, всегда предлагает, самое, в этот момент для меня подходящее. Ни разу еще не ошибся.

Ему ведь никто не говорил, что я сегодня не в форме, а он вроде бы и наугад, а начал с "Цветов добра". Медленная вещь "Цветы", спокойная. Так и начнем.* медленно и спокойно как полагается. Первые слова тихо, почти шепотом произнести надо, а дальше до конца речитатив ад либетум, для распевки! А вот Адик на альтушке повел, звук у него чистый-чистый, ни вмятинки, ни царапинки. Над черной рекой в лунную ночь. Слова простые, добрые, даже сентиментальные, о цветах, которые вырастают летом, если посеять весной любовь, ласковый взгляд и другие полезные семена. И слова приятные, и мелодия, а удовольствия никакого, как будто оркестр отдельно играет, и я сам по себе пою, а в зале хоть все и танцуют вполне грамотно, в такт, но слушают не нас, а принесенный с собой магнитофон. Это у меня сейчас такое впечатление... Припев идет. Что же получается? Хорошего ничего не получается. Под каждым словом этой песни подписаться можно, и пою нормально, все обертоны на полную мощность включил, а сам чувствую, что все не то, как будто вру без остановки и уже совсем меня занесло, а остановиться никак не могу. А в зале наверняка все понимают прекрасно, перемигиваются и в полумраке украдкой усмеваются. Кода! Слава богу?.. Аплодируют?.. Аплодируют. С ума сошли?" Топанья, визга и других видов подражания дурным западным образцам не наблюдается, но и безразличия или равнодушия тоже не ощущается.

Я отошел к роялю, так и есть, у Сеймура рот до ушей, от удовольствия глаза прищурил.

- Охмуряем, значит, трудящихся?

Все чувствует. Во время работы с ним без слов разговаривать можно, знаками.

- Сам понимаю, что не идет, - говорю ему. - Ты давай начни что-нибудь с длинным вступлением, потяни сколько сумеешь, а я тем временем сбегаю чаю глотну.

- От рояля никуда не отходи! Без чая обойдешься! - а сам тем временем в зал улыбается, с кем-то здоровается. - Смотри, - говорит, - слева у второго окна кто стоит. Увидел? Кадр в желтом пожаловал.

Это он так зашифрованно, чтобы Адиль не понял, Алю называет, она в университете учится на третьем курсе, а сам шипит от злорадства, правда, это может и ничего не значить, у Сеймура, даже когда он о своей больной бабушке говорит, в глазах ехидство светится.

- Погляди, - говорит, - на его уши.

- На чьи? - я и вправду не понял.

- На саксофониста нашего. Первый раз вижу, чтобы у человека при виде любимой женщины уши торчком вставали. Загадка природы.

- Перестань. Я тебя очень прошу! Не смотри в его сторону, - попробуй петь нормально в таких условиях!- Тебе понравится, - говорю, - если он сейчас подойдет и трахнет саксофоном по крышке инструмента?!

Подействовало. Он на этот рояль только не молится, собственноручно вытирает с него пыль, даже настройщика допускает к нему только в своем присутствии. Целых два года мы уговаривали дирекцию Клуба моряков купить нам вместо старого инвалида приличный инструмент. Купили по случаю. Не шуткиконцертный "Беккер". Пока клуб ремонтируется, нам разрешили поставить его здесь в актовом зале нефтяного института. В запертом виде, конечно.

Сеймур сразу перестал улыбаться.

- Как же! Сразу по крышке! Из-за того, что зайка лиску полюбил? А ты чего стал? Работать надо! Начали.

Ребята переглянулись, никто не вступает, все стоят молча, пюпитры разглядывают. Кроме Бориса, разумеется. Он с первого же такта впредь до выяснения рода занятий палочки отложил в сторону, шелестит себе полегоньку вслед за роялем щетками.

Как это я сразу не догадался? "Скажи, что любишь меня". Сперва Адиль, за ним саксофон, баритоны потянулись, потом трубы вступили на самой высокой ноте... Хорошо. Ах как хорошо. Литавры. Вовремя, удивительно как вовремя... Что это? Почему? Исчезли все. Все по очереди. Теперь никого нет. Только я на сцене и только оркестр. Оркестр с одним лицом. Излучает, выливает музыку из себя мягкими волнами, теперь выбрасывает прерывистыми судорожными толчками...

Звуки теснятся вокруг, ударяются о кожу лица, рвутся упругими разноцветными шмелями под крышу, стучат и бьются с размаху в стекла окон.

Каждый из нас - часть целого. Кончики пальцев и сердце, подрагивающие ноздри и розовый мозг, глаза и кожа с просвечивающими нервами - на всех одни.

Я вижу зал - это мохнатый зверь в черном ущелье под ногами, дергается, все чаще и чаще дергается под новыми "ударами бича...

Звуки проникают сквозь кожу и кости, сокращаются им в унисон мышцы, и вскипает пьянящей пеной кровь. Вдребезги разлетаются стекла, осколки превращаются в облачко радужной пыли, кувалда плющит металл и дробит в щебень булыжник и мрамор. Рвутся слова из горла, подступают к губам, переливаются в зал и заполняют все его пространство. Это так просто. И просто и легко. Скажи, что любишь меня. Скажи, что любишь меня!

- Вы хорошо поете!.. - в голосе никакого восхищения не ощущается, только удивление. Внимательно смотрит на меня, вернее, рассматривает. - Мне говорили, но я не очень верил.

Катись ты знаешь куда! Самое важное для меня в жизни, верил ты или не верил! Я ему кивнул, взял полотенце и рубашку и пошел в душевую. Все на мне промокло насквозь от пота. Горячей воды, конечно, нет. Переоделся в сухое, умылся, мало все-таки нужно человеку - все равно приятно! Адиль заглянул в душевую:

- Заснул? Иди скорее, этот наш бывший сосед приличным человеком оказался. Пошли, как бы Сеймур все не испортил.

С Сеймуром все будет в порядке. Нюх у него такой, что за тысячу километров полезное чувствует. Для себя и заодно для нас: слушает вроде бы невнимательно, а ведь ни одного слова не пропустит, все сечет.

- Я не понимаю, в чем дело, ребята? По-моему, вы должны быть очень довольны. Условия прекрасные, будете выступать как профессионалы от нашей филармонии: За два месяца неплохо заработаете. Два-три концерта ежедневно. Люди об этом мечтают.

- Два чёса в день?! -тон у Сеймура до того искренний, что даже я в него поверил. - Надорваться ведь можно, товарищ

Тагиев.

Значит, бывшего соседа и виолончелиста зовут товарищ Тагиев.

- Если удастся, - сказал товарищ Тагиев, - будем пробивать, чтобы за сверхурочную работу вам бы платили полторы ставки. Если удастся.

- А это законно? - ну уж если Сеймур забеспокоился о законности, значит, у него ни одного возражения не осталось.

- Сочи, Гагра, Ялта. Лучшие площадки! Что еще вам надо!

Пицунда! Природа.

- Природа? - явно человек впервые услышал это слово.- А-а, понятно. А что, шефаки тоже будут? - озабоченно спросил Сеймур.

Да при чем здесь!.. Это же сказка! Мечтать о таком не могли! Перегибает Сеймур, перегибает. А тот, товарищ Тагиев, как ни в чем не бывало терпеливо объясняет ровным голосом:

- Разумеется. Несколько бесплатных шефских концертов вам придется дать. На заводах или других каких-нибудь предприятиях. Но это же нормально, по-моему, в паузе он обвел всех нас взглядом, и, когда дошла очередь до меня, я не удержался, кивнул. - Если возникнут какие-нибудь осложнения с руководством клуба, вы скажите, филармония договорится.

- Не надо, - чуть-чуть торопливей обычного сказал Сеймур. - Мы сами. На лето нас отпустят. И на лето, и на осень, и на все остальное время... И вообще, товарищ Тагиев, если вы обратитесь к руководству клуба по этому вопросу, оно вам немедленно объявит самую горячую благодарность.

- Два чёса в день?! -тон у Сеймура до того искренний, что даже я в него поверил. - Надорваться ведь можно, товарищ

Тагиев.

Значит, бывшего соседа и виолончелиста зовут товарищ Тагиев.

- Если удастся, - сказал товарищ Тагиев, - будем пробивать, чтобы за сверхурочную работу вам бы платили полторы ставки. Если удастся.

- А это законно? - ну уж если Сеймур забеспокоился о законности, значит, у него ни одного возражения не осталось.

- Сочи, Гагра, Ялта. Лучшие площадки! Что еще вам надо!

Пицунда! Природа.

- Природа? - явно человек впервые услышал это слово.- А-а, понятно. А что, шефаки тоже будут? - озабоченно спросил Сеймур.

Да при чем здесь!.. Это же сказка! Мечтать о таком не могли! Перегибает Сеймур, перегибает. А тот, товарищ Тагиев, как ни в чем не бывало терпеливо объясняет ровным голосом:

- Разумеется. Несколько бесплатных шефских концертов вам придется дать. На заводах или других каких-нибудь предприятиях. Но это же нормально, по-моему, в паузе он обвел всех нас взглядом, и, когда дошла очередь до меня, я не удержался, кивнул. - Если возникнут какие-нибудь осложнения с руководством клуба, вы скажите, филармония договорится.

- Не надо, - чуть-чуть торопливей обычного сказал Сеймур. - Мы сами. На лето нас отпустят. И на лето, и на осень, и на все остальное время... И вообще, товарищ Тагиев, если вы обратитесь к руководству клуба по этому вопросу, оно вам немедленно объявит самую горячую благодарность.

--Вот и прекрасно! Значит, обо всем договорились, - последние слова он почему-то сказал, обращаясь ко мне. Вынул платок из кармана, вытер лицо. Вспотел-таки после разговора с Сеймуrom... Ничего себе платочек, накройся таким на позиции в сильно заболоченной местности, самый зоркий снайпер тебя не разглядит. Цвета хаки платочек!

Сеймур его проводил до двери, подождал, пока он дошел до конца коридора, потом плотно закрыл дверь и повернулся к нам.

- Смирно! Поняли? - сказал он. - Я давно жду, и наконец-то это случилось! Надо немедленно обмыть. Бабки на стол! - Он первый бросил на стол десятку.

Все уже разошлись, но у подъезда несколько человек маячило, в основном девицы. Сеймур меня толкнул в бок - так и есть, "кадр в желтом" с цветочками в левой руке и томлением во взоре. И взор этот почему-то устремлен на меня. Я вцепился в локоть Сеймура и сделал вид, что по уши завяз в разговоре, мол, ничего не вижу, ничего не слышу, благополучно проскочили мимо взгляда. У Адила сразу же уши торчком и на морде восторг и слюни.

Сеймур обернулся на ходу к нему:

- Смотри только не заблудись, ждем тебя в "Гёк-Гёле".

Ждать не пришлось, он нас нагнал через два квартала. Шел рядом и всю дорогу молчал. Я все боялся, что Сеймур над ним будет подшучивать, но, слава богу, обошлось. А лицо у Адила было грустное, мне на минуту даже -показалось, что он может заплакать хотя даже в эту минуту про себя знал точно, что это невозможно, чтобы Адик заплакал. И даже не то

что грустное, обиженное лицо было у Адила. Я вдруг вспомнил, что такое же лицо у него было много лет назад, когда мы учились в четвертом классе. В первый день летних каникул мы зашли в парикмахерскую и остриглись наголо, а потом поехали в парк "Роте факс", где был назначен сбор всего класса. От трамвая мы пошли пешком через лесопарк. Навстречу нам шли три взрослых парня, здоровые, усатые, они миновали нас, потом вдруг остановились и сказали, чтобы мы подошли к ним. Я сразу же почувствовал неладное, и как стоял, так и остался на месте. И Адиду сказал, чтобы он не ходил, он удивленно посмотрел на меня: мол, зовут же люди, и пошел к ним. Один из них затянулся сигаретой и выдохнул дым ему в лицо, а потом, я даже не сразу понял, что он хочет сделать, в голову мне это даже не пришло, взял и погасил сигарету о влажную от пота и одеколона остриженную макушку Адика. Ткнул и прижал ее сверху большим пальцем, мне за пять шагов было слышно, как она зашипела. Все трое чуть не поумирали от смеха, глядя на нас. Один даже на корточки присел, до того ему было смешно. Мы убежали. Адик тогда вытер слезы и сказал, что, когда вырастет и станет сильным, он все равно тем хулиганам покажет. Где бы ни встретил. У него на всю жизнь на голове белое пятнышко осталось, и волосы на нем теперь не растут. Я об этом в армии узнал, когда нас остригли... Дался ему этот "кадр в желтом"! Таких на любой танцплощадке на сотню танцующих штук шесть, не меньше. Я отстал от ребят, взял его под руку и говорю веселым голосом:

- Неужели товарищ Тагиев не обманет? Прямо как во сне!

- Да, - он мне отвечает бодро. - Здорово нам повезло

сегодня!

В ресторан нас конечно, не пустили по причине позднего времени, было почти двенадцать. Сеймур уговорил швейцара его одного на минутку пропустить, прошел и почти сразу же вернулся с Мамедом Алиевым, пианистом из здешнего оркестра. Он нас всех провел и еще замечание швейцару сделал: "Надо, дорогой товарищ, хороших людей с первого взгляда узнавать". Усадил нас за столик, официанта позвал, а потом поднялся на сцену, сел за рояль и объявил, что исполняется "Мотылек" композитора Эмина Сабит-оглы. в честь коллег-музыкантов. Это, значит, в возмещение морального ущерба, причиненного нам нечутким швейцаром. Вышел Витька Владимиров и спел. Не хорошо и не плохо, в самый, раз для этого ресторана. Я Витьку с давних пор знаю, знакомы мы тогда не были по причине разницы в возрасте, он пел перед сеансами в кинотеатре "Вэтэн". По тем временам здорово пел, про него тогда все говорили, что он, конечно, pent-ц выдающийся, с большим будущим. А Мамед Алиев в том же кинотеатре выступал с номером на ксилофоне, всем тоже нравилось - "Танец с саблями" отстукивал звонкими палочками и "Чардаш" Монти. Я вдруг подумал, что давно уже не видел нигде, чтобы кто-нибудь на ксилофоне играл. Наверное, они из моды вышли. Витька кончил петь, и Мамед объявил, что оркестр на сегодня работу кончил. Мы им похлопали вместе со всеми в зале, здорово хлопали, особенно дружно иностранцы, которые сидели за длинным столом с флажком, я и без этого флажка догадался бы, что это туристы из ГДР, они громче всех в ресторанах хлопают. Ребята ушли со сцены, переоделись и подсели к нам, придвинули еще один стол, и все уместились. Они тоже сказали, что нам сегодня здорово повезло, и по этому поводу объявили, что угощение за их счет. Мы досиделись до того, что, кроме нас, в зале никого не осталось, уже всю посуду и скатерти со столов убрали, а мы все сидели и говорили о

наших музыкантских делах. Может быть, потому что я мало пью, это не от меня зависит, выпью рюмку-две, и вдруг перекрывает в горле, как ни старайся, больше ни одного глотка сделать не удастся. Может быть, из-за того, что я трезвый, мне стало вдруг грустно, когда я услышал, что Витька собирается этим же летом все бросить и как следует заняться вокалом. Хватит, говорит, пора наконец искусством заняться. Он, наверное, на самом деле думает, что у него еще когда-нибудь что-то может получиться. С вокалом. А потом я перестал слушать все разговоры, потому что вспомнил посещение бывшего соседа. Я все старался себя сдерживать, но ничего в конце концов не получилось, размечтался, как самый наивный дурак, а вдруг и вправду что-то путное получится, выгорит это дело с гастролями? А если не выгорит? Я же не ребенок, давно уже не ребенок, а если призадуматься... Чем мы занимаемся, что делаем, то ли самодеятельность, то ли профессионалы? Сегодня в институте каком-нибудь играем, завтра перед работниками предприятия выступаем или просто на танцах вкалываем. А на прошлой неделе пригласили нас в политехнический институт на вечер отдыха, только инструменты разложили, приходит завклубом с извинениями, оказывается, им такого рода музыка, эстрадная и так далее, не нравится. Ректор, конечно, может позволить себе слушать ту музыку, какую ему хочется, на то он и ректор, но ведь нам было не очень приятно пробиваться через все фойе к выходу, по пути отвечая на вопросы любознательных студентов по поводу отмены нашего выступления, а потом еще под дождем подыскивать взамен отпущенного до конца вечера автобуса вид транспорта, подходящий для перевозки контрабаса, аккордеона и других орудий нашего производства, в такси ведь с ними не полезешь. Неужели товарищ Тагиев обманет? Не надо, товарищ Тагиев, нас обманывать, для чего вам это нужно!

Последний тост подняли за удачу, при этом все постучали по столу, а Сеймур даже просунул руку под стол и постучал по его не покрытой изнутри лаком деревянной поверхности.

Было полвторого, когда мы вышли на улицу. Мимо проносились машины, несмотря на поздний час, их было много, пока мы сидели в ресторане, прошел дождь, и, может быть, благодаря этому свежий ночной воздух пах акацией и травой. Мы с Адилем распрощались с ребятами у Девичьей башни, хоть они и звали нас с собой погулять, и спустя десять минут подошли к нашим воротам.

- Ты не очень устал? - спросил у меня Адик, когда мы вошли во двор. - Я посижу у тебя немного. Домой что-то не хочется.

- Ты не очень устал? - спросил у меня Адик, когда мы вошли во двор. - Я посижу у тебя немного. Домой что-то не хочется.

- Конечно, - сказал я. Мне и вправду не хотелось спать. На лестничной площадке было темно, зато в передней и кухне горел свет. Уже с порога я почувствовал, что жизнь в квартире бьет ключом. Из-за двери моей соседки медсестры Аиды доносились громкие звуки популярных песен в исполнении Муслима Магомаева, из ванной плеск воды и невнятный говор, а из кухни свист и клочкотание чайника.

Безмолвными оставались две двери - моя и нашего третьего соседа - Эльмара Самедова, инженера-нефтяника, ведущего земноводный образ жизни - десять дней в море на Нефтяных Камнях, десять дней отдыха на суше.

Наш приход внес кое-какие изменения в звуковой фон квартиры. Истерику чайника прекратил Адик, пройдя на кухню мимо открытой двери ванной, где сразу же наступила тишина, в этой тишине, перешедшей почти на шепот, Муслим закончил "Свадьбу".

Через полторы минуты, время, затрачиваемое на надевание платья и несколько мазков пудры, следовало ожидать появления Аиды; мы бы вполне успели избежать с ней встречи, если бы нас не остановил прежде невидимый обитатель ванной. Он стоял в дверях, вытирая мокрую голову почему-то моим полотенцем. Он сперва очень тепло поздоровался с нами, спросил, как мы поживаем, и сразу вслед за этим стал настойчиво приглашать нас в гости.

- Спасибо, - сказал Адик. - Мы к себе.

- Как можно? - удивился этот молодой человек, он подошел к нам поближе, ради справедливости должен отметить, что это получилось у него с первой же попытки. Он подошел и сказал, что его зовут Самед, представились и мы, после чего он повторил приглашение, и Адик снова отклонил его.

- Что ж, - сказал наш новый знакомый. - Вы, наверно, думаете, что я вам не пара?

Адик в краткой форме, но убедительно и горячо опроверг это оскорбительное для порядочного человека предположение, улыбка на лице Самеда была восстановлена, и он объяснил нам, что он таксист, работает во втором парке без напарника, и что он всего в жизни добился своими руками, без чужой помощи.

За шесть лет, прошедшие после того, как дядя съехал с квартиры, я был представлен в разное время двум врачам и одному медбратау. Таксиста я видел впервые.

- Тебе письмо и денежный перевод, - сухо сообщила мне Аида. - А ты иди в комнату! - вполне приветливо Самеду.

Аида была, как всегда, сдержанна. К постоянному букету борной и пудры "Кармен" примешивался запах каких-то духов неслыханной убойной мощи. Я отступил сантиметров на восемь - десять, но это незамеченным не осталось.

- Это мои друзья! - сообщил ей Самед. - Ребята, - сказал он нам, - если вас кто-нибудь обидит, кто бы он ни был, вы мне сообщите. Я за вас любого...

- Пошли! - сказала Аида.

- Без них я никуда не пойду! Я хочу, чтобы они посидели с нами.

- Обойдешься, - раздраженно сказала Аида.

- Если они не пойдут с нами, я лягу здесь на полу. А ты иди куда хочешь!

- Мы зайдем на минутку, - торопливо сказал я Аиде, прежде чем она успела сказать то, что собиралась. - Ты же видишь - сказал я максимально подхалимским тоном испытывая в душе восхищение перед безрассудной отвагой Самеда. - Наш друг слегка навеселе. Это с каждым может случиться.

Мы завели его в комнату и усадили за стол.

- Садитесь, - сказала Аида. - Выпейте по стакану чаю,
раз уж пришли.

Мы сидели за столом втроем и пили чай. Самада развезло окончательно, и мы с Адилем отвели его в спальню и уложили на кровать, если на свете существует четырехспальные кровати, то одна из них стояла в этой спальне, бывшем кабинете моего дяди. Уложив Самада, я неожиданно вспомнил, что я впервые после отъезда дяди увидел эти комнаты. Поменялись обои, занавеси, мебель... Кое-что осталось - бабушкин сундук в углу, голландская печь... Я вспомнил, что бывший муж Аиды, которому и дали эти комнаты, предлагал мне забрать сундук, и я все хотел, но так и не собрался, а потом ушел в армию.

Аида нам рассказывала о каком-то главвраче, грубом и отсталом с точки зрения современной науки, с которым интеллигентному человеку работать нет никаких сил, а я попеременно с Адилем поддерживал разговор и разглядывал сундук. Сейчас на нем не было замка, а тогда висел большой медный замок, ключ от которого бабушка не доверяла никому. Он был сплошь обит узорчатой чеканкой, но в каждом квадрате, образованном массивными медными полосами, проглядывало темно-коричневое дерево со следами гвоздей. Раньше там были прибиты выпуклые звезды с рисунком чернью по серебру. Я их не видел, бабушка рассказывала, что во время войны она каждый месяц сдирала по две звезды, одну отдавала семье младшего сына, моего дяди, а вторую меняла на продукты для посылки на фронт старшему, это значит - моему отцу.

Сколько я помню, бабушка всегда была совсем старенькая, по-моему, она меня очень любила. Она говорила, что с каждым годом все больше становлюсь похож на деда, а тетя Мензер, жена дяди, каждый раз усмехалась- и говорила, что бабушка ошибается, ничего общего между мной и дедом нет, особенно если еще учесть, что он был человек выдающийся и порядочный.

Я подробно запомнил этот день, наверно, из-за того, что директор вошел в класс как раз в тот момент, когда я стоял у доски и, по мнению Валиды Герасимовны, готовил ответ по сольфеджио. На самом же деле я готовился получить двойку, вторую в этой четверти. Я дождался, когда кончил отвечать Витька Бланкфельд и уже совсем было собрался признаться, что ничего не знаю, но в этот момент вошел директор. Я ужасно тогда обрадовался, и сейчас стыдно, когда он вывел меня в коридор и сказал, чтобы я шел домой, звонил дядя и сказал, что бабушка сильно захворала. Во дворе я встретил Адика, он тогда во второй смене учился, у него почему-то было испуганное лицо. Мы зашли в комнату, не в эту, где мы сейчас сидим, и не в мою, в ту, что потом отдали нашему третьему соседу, бабушка молча лежала на кровати, а дядя с тетей и мать Адика сидели рядом и не сводили с нее глаз.

- Слава богу, - сказал дядя, когда я вошел в комнату, - Пришел.

Он подвел меня к бабушке, и она мне глазами показала, чтобы я сел рядом. Она улыбнулась мне с трудом и, молча улыбаясь, стала на меня смотреть. Я удивился, потому что еще утром она себя хорошо чувствовала, разбудила меня и дала позавтракать. А она все смотрела на меня и улыбалась, а потом заговорила тихо-тихо, но в комнате было еще тише, и каждое ее слово было слышно всем.

- Я боялась, что ты не успеешь, - сказала она мне.

-Мама, - начал дядя и замолчал.

А бабушка все продолжала на меня смотреть.

- Я очень хотела тебя видеть, - сказала бабушка. - Я беспокоюсь о тебе. И поэтому умираю беспокойная. Поцелуй меня. - Я наклонился, поцеловал ее в щеку. - Я тебя поручаю твоему дяде, - она посмотрела на него, - а вас обоих богу, Она замолчала и закрыла глаза, долго так лежала, я даже подумал, что она уснула, потом открыла глаза и как-то очень задумчиво, как будто про себя, сказала:

- Ты очень похож на своего деда.

Бабушка лежала спокойно и все смотрела на меня. Потом меня увела мать Адила. Я на ночь остался, у них. Мне поставили в комнату Адика раскладушку, мы уснули не сразу, еще долго разговаривали о разных делах. Ночью я ни с того ни с сего проснулся и стал думать о бабушке. Только ночью понял, почему она так смотрела на меня. Той ночью я впервые понял, что бабушка была единственный человек, который меня любил. Я не заметил, когда в комнату вошла мама Адила, мне было очень стыдно, что я плачу, но я никак не мог остановиться. Она меня успокаивала, гладила голову, а потом обняла меня и заплакала сама. Утром проснулся, глаза раскрывать не хотелось, до того было стыдно!

А в сундуке, когда его раскрыли, ничего интересного не оказалось. Поверх* всего лежала коробка, в ней два обручальных кольца, еще два с разноцветными камнями и нитка жемчуга. До сих пор коробка хранится у тетки, оказывается, бабушка оставила все эти вещи для моей будущей жены. Я хотел подарить их тетке, но она рассердилась и сказала, чтобы я не валял дурака. Еще там лежали ноты, в нафталине старинные платья, одежда дедушки и его концертный фрак.

- Что-нибудь случилось? - вдруг у меня спросила Аида.

- Да нет, - говорю, - все нормально. Прекрасный вечер. Спасибо за чай. Мы встали и попрощались.

- Подождите, - сказала Аида, тактично не упоминая о предмете сомнений, она лишь кивнула на дверь в спальню. - Вы еще подумаете что-нибудь. Это мой довольно-таки близкий родственник, двоюродный брат.

- О чем речь?, - сказал Адик. - Мы сразу, как его увидели, поняли, в чем дело, вы очень похожи с братцем.

Насчет братца, конечно, излишне. В таких делах самое главное - чувство меры.

Я огорченно покачал головой.

- Зря, - тоном, близким к обиженному, сказал ей я.

- Кто вас знает? - с остатками сомнения сказала она нам вслед. - Вы хоть и неплохие ребята, но все-таки артисты!

- Кто вас знает? - с остатками сомнения сказала она нам вслед. - Вы хоть и неплохие ребята, но все-таки артисты!

Второй человек за день признал нас артистами, даже приятно стало. Товарищ Тагиев и Аида. А что завтра будет?

Письмо и перевод, разумеется, были от дяди. Деньги, впрочем, как и всегда, пришли удивительно вовремя. До конца месяца, то есть на девять дней, у меня на все нужды" включая ежедневное питание, плату за телефон, покупку донельзя необходимой пары носков и разнообразные развлечения, приличествующие человеку моего возраста, оставалось два рубля с мелочью... С годами его почерк совершенно не изменился. Начертанная крупными цифрами и прописью сумма четко и выразительно представляла тридцать рублей, посланных небогатым пожилым родственником в помощь полному сил и энергии непутевому племяннику. Внутреннее неудобство, именуемое угрызениями совести, мне без особого труда удалось ликвидировать почти бесследно. Для этого пришлось, ненадолго отключившись от созерцания разливающего по стаканам чай Адика, воссоздать в воображении столько уже раз виденную картину моего прекрасного будущего. На переднем плане этой красочной панорамы изобилия и успеха я поместил донельзя радостных и благодарных дядю и тетку, совершенно неожиданно для себя получивших на склоне лет неслыханные блага, давно заслуженные почести и ласку от стремительно преуспевающего человека, на которого они давно уже с болью и тревогой в душе махнули рукой.

Мы молча сидели и пили заваренный им чай, когда зазвонил телефон. Ну почему?.. Ведь в оркестре, кроме меня, еще шесть человек, так почему же эта идиотка, которая так нравится Адик, позвонила именно ко мне? Мне стало очень не по себе, стоило мне вспомнить, что трубку мог взять Адик. Я изо всех сил прижал трубку к уху, мне казалось, что ее голос слышен на всю квартиру, с большим трудом мне удалось заставить себя посмотреть на Адика, он задумчиво разглядывал обложку журнала. Несет несусветную ахинею. Бред какой-то. "Я ваша поклонница...", "...считаю дни...", "надеюсь увидеть..." Если бы ты, дура, могла бы себе представить, как из-за тебя может расстроиться хороший человек! При его-то нервах!

- Неужели, - спрашиваю у нее строгим голосом, - ваша воспитательница ни разу не объясняла вам, что звонить в три часа ночи незнакомому человеку неприлично?

- Что? Какая еще воспитательница?

- Та, что работала в детдоме, где вы росли, - замолчала, с основной темы, кажется, удалось ее сбить, дальше пойдет легче.

- С чего это вы взяли? Я никогда не была в детдоме,

- Тем более, - с ненавистью сказал я.

-Что "тем более"? - хихикает.

Девушка что надо. Нежная и утонченная. Жаль только, что чересчур гордая и недоступная... И как такая Адик могла понравиться?

- ...Во-первых, я к вам сразу же после концерта начала звонить, я же не виновата, что вы трубку не брали, а во-вторых, мы, к вашему сведению, знакомы, нас познакомил...

Я-то хорошо знаю, кто нас знакомил. Адик поднял голову и посмотрел на меня. Господи, неужели догадался, что это "кадр в желтом"?

- Вы сюда больше не звоните! Ясно? Ни днем ни ночью!

После того как я положил трубку, никак не мог заставить себя посмотреть в сторону Адика. После такого звонка-то... Звоночек под названием "ночной подарок единственному другу".

- Кто это? - голос у Адила ровный и слегка сонный. Слава богу, ни о чем не догадался.

- Археолог, - говорю, - доктор наук. Звонила узнать, не соглашусь ли я по вторникам и четвергам читать лекции в университете. Настаивала, стерва! Остальное ты слышал.

У Адила уже рот до ушей. Все ему нравится, что бы я ни сказал, что бы ни сделал.

Он посидел у меня еще полчаса, потом пошел к себе. Я стоял у раскрытого окна и видел, как он пересек двор и поднялся по лестнице на второй этаж. Нечего не изменилось во дворе за все то время, что мы были в армии. И вообще ничего не изменилось за все то время, что я себя помню. Только деревья подросли и еще люди. Новые соседи появились, я теперь в собственном дворе не со всеми знаком. Адик уже в дверях махнул мне на прощание рукой. И он, сколько я себя помню, жил в этой квартире. Мы всегда с ним дружили, с самого детства, и "и разу за все это время не поссорились. Это уж целиком заслуга Адила. Я стоял у окна своей комнаты и все пытался вспомнить, когда я увидел его в первый раз, мне показалось, что вот-вот я начинаю вспоминать, как мы познакомились, но так ничего и не получилось... Слишком давно все это было. Надо будет у Адика завтра спросить, у него память гораздо лучше. Я лег, но уснуть Удалось не сразу, вспомнился мне визит товарища Тагиева, я лежал и думал, что как было бы здорово, если бы из всего этого получилось бы что-нибудь путное... Если признаться откровенно, надоело мне так жить? Потом почему-то я снова попытался вспомнить Адила, и опять у меня ничего не получилось.

Уже засыпая, я подумал, что есть что-то неправильное и несправедливое в том, что человек забывает какие-то периоды своей жизни, если учесть, что ему и так не слишком много времени отпущено на всю жизнь.

Глава II

Она приходила почти каждый вечер. Если в доме были гости, то в гостиную она не заходила, сколько бы ее ни приглашали, торопливо выкладывала новости на кухне и уходила. В этот вечер гостей не было.

- Поздравляю, - сказала Валида, входя в комнату и потирая озябшие руки, ее маленькое худое лицо на полную мощность светилось доброжелательством. ---Купила или сшила? Ты в нем просто красавица! Вот ты мне поверь - красавица!

- Да что ты, Валида?-- улыбнулась тетка. - Я его уже четвертый год ношу.

- Это значит, у тебя фигура такая, - сказала Валида. - Вот оно в чем дело. У настоящей женщины фигура в любом платье себя покажет. Не то что у меня - ни спереди, ни сзади. Все мои несчастья из - за этого. Не беспокойся, - сказала Валида после того, как, тетка показала глазами на меня, - теперешние дети лучше нас с тобой во всем разбираются. Вижу я, что они во дворе выделывают. Еще нас с тобой чему хочешь научат.

- Ты бы пошел к себе в комнату, - сказала тетя.
- Там холодно! - мне не хотелось; уходить. Я сделал вид, что изо всех сил углубился в изучение музграмоты.
- Да и здесь не жарко,- вздохнула тетя. - Весна, уже наступила, а все никак не потеплеет. Может быть, чаю попьешь?
- Ты не беспокойся, - сказала Валида. - Я заварю. - Она подошла к буфету и открыла створку
- Я всем говорю, что единственный дом, где еще можно выпить стакан настоящего чая, - это твой. Ты не знаешь, что в других домах пьют. Новости есть.
- Какие? .
- Новые соседи у нас появились. В квартиру Кулиевых вселились.
- Кто такие?
- Муж, жена и ребенок. Мальчишка одних лет с Микаилом. Не нравятся они мне. Откровенно говорю тебе - не нравятся.
- А ты что, разговаривала уже с ними?
- Стала бы я просто так говорить! Пришла, постучалась. Она открыла дверь говорю: "Здравствуйте, я ваша соседка," - "Здравствуйте, очень приятно", - а сама стоит в дверях. "Так и будем, - спрашиваю, - на пороге разговаривать?" Тут она меня впустила, оказалось, что не совсем бесовестная. Женщина она видная, ничего не скажешь, с тобою, конечно, ни в какое сравнение не идет, но видная. Муж тоже потом ко мне вышел, молчаливый. Нефтяник он. Я спросила, сколько у них комнат в той квартире было, - тут-то она и проговорила четыре комнаты, говорит. Сразу же с мужем переглянулись, поняли, что проговорила она.
- Непонятно. В чем же они проговорились?
- Голубка ты, в людской хитрости не разбираешься... Нормальный человек когда-нибудь четыре комнаты на три обменяет? ...- Заплатили им, наверное, за лишнюю комнату?
- Кулиевы? - засмеялась Валида. - Да они только и ищут, с кого бы рубль-другой содрать!
- Может быть, район наш нравится?
- Узнала, - сказала Валида. - Район был у них не хуже нашего - прямо напротив Азнефти их бывший дом стоит. Чует мое сердце, нечисто здесь что-то...: Не понравились они мне. А насчет обмена я все выясню. Дай только срок.
- Валида, Валида, - сказала тетя. - Да тебе-то какая разница?
- Я из-за всех вас беспокоюсь, - объяснила Валида. - Если они хорошие люди, бог с ними, пусть себе живут, счастливыми пусть будут, а если плохие? Когда помру, только тогда и поймете, кем для вас Валида была. Когда я первый раз Сенубер увидела, что я сказала? Никто тогда мне не верил. А что оказалось? Шлюха? Шлюха.
- Микаил, - сказала тетя. - Отправляйся к себе. Спать пора.

- Я чай еще не выпил.

- Допьешь у себя в комнате.

Я пожелал им спокойной ночи, тетю пришлось поцеловать, иногда удавалось обойтись без этого, но сегодня не получилось. Валида тоже пожелала мне покойной ночи и вздохнула при этом. Она почти всегда вздыхает, когда меня видит. Я знал, что, как только я выйду, они будут говорить о моей маме.

Вообще-то, как только я очутился в своей комнате, сразу же перестал жалеть о том, что ушел от них. Мне нравится быть одному. Раньше это была комната отца. Он очень похож на своего брата, моего дядю. Я сужу по портрету, который висит в моей комнате, - отца своего я ни разу не видел, потому что родился в мае 44-го года, за полтора месяца до его смерти. Он все эти полтора месяца на фронте знал, что я родился, и даже знал, как меня назвали, а я в это время ничего о нем не знал. Они все трое похожи - отец, дядя и дед. Его портрет тоже в моей комнате висит. Над большим сундуком, в котором лежат его костюмы и два фрака. Мой дед был знаменитым композитором. Школа, в которой я учусь, названа его именем. И меня в его честь назвали Микаилом. Вот так и получилось, что я хожу в музыкальную школу, названную вроде бы моим именем - всё сходится, и фамилия и имя. Первое время учителя вздрагивали, потом привыкли. И зачем только меня отдали в эту школу? Мало ли что у меня дед композитором был? Я-то ведь не виноват в том, что не хочу учиться музыке. Единственный предмет, который мне нравится в школе, - это рисование. Мне уже в третьем классе поручили оформить классную стенгазету, а в четвертом - школьную. И по рисованию у меня всегда пятерка. А вот для того, чтобы по фортепьяно или сольфеджио тройку получить, такие мучения выносить приходится. Особенно я Баха терпеть не могу. Тысячу раз просил, чтобы меня в школу для нормальных людей перевели, - ничего не получилось. Дядя мне объяснил, что это было желание отца, он хотел, чтобы я в честь деда стал композитором. Если бы отец был жив, я ему все объяснил бы, а с дядей разговаривать бесполезно. Были бы у него свои дети, он бы, наверное, не стал их мучить, а тут, может быть, ему и жалко меня, а сделать ничего нельзя - обещал, и все тут!

Это легче всего обещать что-то за чужой счет. Сами-то - ни отец, ни дядя не захотели музыкантами стать, а меня заставляют. В честь деда! При чем здесь дед! Я же живой человек, у меня же тоже спросить надо, кем я хочу стать. А если бы мой дед не композитором был, а водолазом или дрессировщиком, так что же, меня бы тоже заставили под воду лезть или собачек дрессировать? Хотя, с другой стороны, мне бы это гораздо, больше понравилось, чем в эту школу ходить. Мне ведь вот еще в чем не повезло - когда я поступал, на экзамене выяснилось, что у меня абсолютный слух. В этом году, как перешел в третий класс, мне репетитора взяли, Эльмиру-ханум, она в консерватории учится, на третьем курсе. Она к нам три раза в неделю приходит. Ужасно веселая. Я ей свои рисунки показываю, и они ей очень нравятся. Мы с ней иногда в четыре руки играем, по-моему, здорово получается. Она говорит, что я в общем человек не без способностей, но лентяй и хитрец, это из-за того, что я первое время прятал ноты, говорил, потерял, и все тут! Я и раньше так делал, и тетка каждый раз искала их, а вот с Эльмирой этот номер не прошел, она мне в первый же раз сказала, чтобы я принес ноты, и объяснила, что если я буду хитрить и врать, то у меня может вырасти хвост.

Я подошел к письменному столу и из ящика вытащил коробочку из-под пистонов. Она до самых краев была заполнена мелкой, каждая крупинка размером с булавоочную головку, крупой. Это подарок дяди. Он ее принес осенью и сказал, что это яйца шелкопряда и что из нее весной вылупятся маленькие гусеницы, которые через некоторое время, если их не уморить, превратятся в красивых бабочек. Осенью крупа эта была светло-желтая, а теперь потемнела. Иногда я начинаю сомневаться, что из этой крупы может что-то путное получиться, но тогда сам себе напоминаю историю с луковицами. В прошлом году дядя принес мне пятнадцать луковок, обыкновенных мелких репчатых луковок. Он сказал, что если их поставить в неглубокое блюдо с водой, то они расцветут цветами шафрана. Я и раньше ставил в воду луковки, и из них вырастали зеленые луковичные стебли без всяких цветов.

Через неделю выбились зеленые стебли, все как полагается, ничего особенного, и стали расти, а потом наступило то утро. Я проснулся и сразу же почувствовал, что происходит что-то удивительное и хорошее. Нежный запах заполнил всю комнату, спросонок мне показалось, что этот запах вливается в нее прохладными струями через стекла окна, сквозь занавеси вместе с солнечными лучами.

Я подбежал к столу и увидел в прозрачной воде бледно-розовые цветы с ярко-красными и оранжевыми тычинками, которые светились как огоньки. Мне даже показалось, что цветы шафрана медленно кружатся на блюде. Это, конечно, от неожиданности мне так, показалось, но все равно я это запомнил, как они медленно кружатся... Я надолго это запомнил. Я часто потом подходил к этим цветам и, наклонившись, нюхал их, очень приятный запах, но никакого волнения не испытывал.

Я рассказал об этом сестре, но она сказала, что я все придумал - ни одному человеку не удавалось еще увидеть цветной сон. Дядя улыбнулся и посоветовал мне не спорить, потому что цветные сны снятся только шизофреникам.

По утрам в воскресенье я сразу же включаю приемник, в восемь пятнадцать хорошие концерты передают. Сегодня чуть опоздал, концерт уже начался. Кто-то пел арию Герцога. Даже не заметил, как Эльмира в комнату вошла. Поздоровалась. Я ей говорю:

- Здорово поет!

- А кто это, знаешь?

- Нет. Чувствую, что хороший певец...

- Малограмотный ты у нас. Хороший... Это же Лемешев. Эх ты, "уши".

Я ей сказал как-то в первые дни, когда только мы начали заниматься, что у меня слух хороший, правду же сказал, я от педагогов в школе узнал при "поступлении, что у меня абсолютный слух; она хихикнула, посмотрела на меня внимательно и говорит: "Уши у тебя хорошие". Тетя Мензер была в комнате, так чуть не обалдела от удивления, а Эльмира хоть бы что, смотрит на меня и улыбается. Уши у меня действительно большие. С тех пор она как что - "уши", "уши". Когда хвалит - "уши", то же самое, когда ругает. У нее это неизбежно получается.

Я ей сыграл Лешгорна - два этюда, то, что она мне с четверга задала, ничего, в одном месте только поправила. Скучотища эти этюды, зачахнуть от них можно. Ей тоже, видно, скучно стало, говорит:

- Слушай, а ты когда-нибудь пробовал сам что-нибудь для себя сыграть? На слух мелодию подобрать?

В школе нам это запрещают, постановка пальцев портится.

- Нет,- говорю, - не пробовал. А зачем?

- Как это "зачем"? Ты же у нас в композиторы знаменитые готовишься?

Тут я разозлился, сказал, что не хочу, вообще не буду музыкантом.

- Ну а вдруг к бабушке на именины попадешь, гости сыграть тебя попросят?

- Нет у меня ни одной бабушки. Обе умерли.

- Трудно с тобой разговаривать... Ну тебе-то самому музыка нравится- песня или другое что-нибудь?

- Конечно, нравится. Много. ' "

- Кроме Баха, - это она между прочим сказала. - А в последнее время что-нибудь новое слышал?

- Мне, - говорю, - очень вальс понравился. Из фильма "Под небом Сицилии". - Я стал подбирать, мелодия простая очень.

Она говорит:

- Нет уж! Без меня. Сыграешь в следующий раз. А теперь давай-ка пройдем Гедике, давно мы его с тобой не играли. Это еще хуже Лешгорна.

- Физиономия, - говорит, - у тебя, как будто из блюдца касторку пьешь.

После урока она меня мандаринами угостила. Два дала мне, третий сама съела.

- Вообще-то, - говорит, - я все три тебе принесла. В последний момент жалко стало.

Доели мы мандарины, я пошел, взял из ящика коробочку - ей показать. Открыл, а там вместо крупы черной мохнатые червячки. Как только я поднял крышку, они все разом головы кверху задрали.

- Вылупились!

- Кто? - спросила Эльмира.

- Смотри! - Я ей протянул коробку, а она от нее сразу отпрыгнула. ,

-Убери их от меня!

- Это же шелковичные!

- Очень хорошо, но ко мне с этим не подходит... Ты что откармливать их собираешься?

- Тутовыми листьями.

- А где же ты листья найдешь, ведь ни одно дерево еще не зазеленело?

Тут я растерялся. И вдобавок ко всему к нам подходит тетя Мензер с какой-то неизвестной женщиной и с худущим мальчиком и говорит мне:

- Познакомься! Это наши новые соседи!

Так я в первый раз, увидел Адила.

Мы побежали с ним к райсовету, я точно знал, что там растет несколько деревьев - красная и белая тута. Можно было" конечно, к поликлинике сбегать, это совсем рядом, в конце квартала нашего, и у входа растет большое тутовое дерево, но к нему никто бы из нашего двора подойти не решился бы, потому что каждый день с утра до позднего вечера, прислонившись к нему, стоял страшный бородатый человек. Не знаю, чем ему это дерево понравилось, только стоял он всегда там. Стоял и молчал. Его каждое утро санитар приводил и оставлял на целый день, а вечером уводил. Оттого что он молчал, легче не становилось лицо у него было страшное и свирепое. Некоторые прохожие думали, что он нищий, и пытались положить ему в руку мелочь, и некоторым удавалось это, но после их ухода, рано или поздно, монеты из его ладони выкатывались на тротуар. Никто не знал, откуда он здесь появился, кто говорил, что он сумасшедший, кто контуженый, по-разному говорили, а бояться боялись его все, и ребята и взрослые.

Ни одного листа. Стоят деревья с голыми ветвями. Пропали червяки, зря вылупились. Вдруг смотрю, Адиль полез на дерево. Я за ним. Если посторонний человек лезет, мне давно нужно. Понимаю, что зря, но лезу. Червячки-то все-таки мои. Смотрю, он почки отрывает, а они еле-еле набухшие.

- Если их накрошить, - говорит, - может, что-нибудь получится.

Только спустились, цап - милиционер за шиворот нас обоих схватил.

- Не стыдно? Школьники, а деревья губите.

- Это для шелковичных червей, - ему Адиль объясняет. - Очень важное дело.

Милиционер, по-моему, никогда о червях раньше не слышал, потому что сразу же нас отпустил, и по лицу его было видно что он удивился.

- Чтобы в последний раз было. Увижу вас здесь, отведу в отделение.

Я думал, они их не будут есть. Куда там! Только мы накрошили почки, червячки как набросятся на них.

Дядя, вернувшись с работы, пришел в мою комнату поглядеть на червей.

- Видишь, что получается, когда в чем-то не разбираешься!' Я теперь припоминаю, мой приятель объяснял мне, их надо на холоде держать, чтобы они раньше времени не вылупились.

- Ничего, - вдруг сказал Адиль, - самое трудное первые несколько дней продержаться, потом листья распустятся. - Это он вроде бы нас успокаивал. И с дядей так разговаривал, как будто они уже много лет знакомы. Кажется, он дяде понравился, я это почувствовал по тому, как дядя посмотрел на него, прежде чем ответить. Я уже заметил после разговора с милиционером, что этот Адиль со взрослыми здорово умеет разговаривать.

Я, до того как он появился в нашем дворе, ни с кем особенно не дружил. Так уж получилось. Я думаю - в основном из-за нотной папки. Не знаю, что уж в ней особенного было, папка как папка, с веревочными ручками, картонная, с вытисненной лирой и завязками бантиками по бокам. Я еще ни одного человека не встретил, чтобы он спокойно прошел мимо, когда я с этой папкой иду. Здорово она на окружающих действует. Это, наверно, потому, что я один на нашей улице, может быть, даже в районе хожу с такой папкой. Я одно время стал ноты в газету заворачивать; ничего хорошего, пока до школы дойдешь, они горбиться начинают, только и выход потом - привязывать их к пюпитру, сами ни за что не удержатся. Я из-за этой папки на полчаса раньше утром выходил, чтобы не встретить никого. Дома я об этом никому не говорил, почему-то стыдно было, а ему рассказал рано утром, когда мы пошли до занятий почек гусениц нарвать. Он на меня посмотрел и задумался, потом говорит, что все это пустяки, яйца выеденного, говорит, все это не стоит.

Ни одного листа. Стоят деревья с голыми ветвями. Пропали червяки, зря вылупились. Вдруг смотрю, Адиль полез на дерево. Я за ним. Если посторонний человек лезет, мне давно нужно. Понимаю, что зря, но лезу. Червячки-то все-таки мои. Смотрю, он почки отрывает, а они еле-еле набухшие.

- Если их накрошить, - говорит, - может, что-нибудь получится.

Только спустились, цап - милиционер за шиворот нас обоих схватил.

- Не стыдно? Школьники, а деревья губите.

- Это для шелковичных червей, - ему Адиль объясняет. - Очень важное дело.

Милиционер, по-моему, никогда о червях раньше не слышал, потому что сразу же нас отпустил, и по лицу его было видно что он удивился.

- Чтобы в последний раз было. Увижу вас здесь, отведу в отделение.

Я думал, они их не будут есть. Куда там! Только мы накрошили почки, червячки как набросятся на них.

Дядя, вернувшись с работы, пришел в мою комнату поглядеть на червей.

- Видишь, что получается, когда в чем-то не разбираешься!' Я теперь припоминаю, мой приятель объяснял мне, их надо на холоде держать, чтобы они раньше времени не вылупились.

- Ничего, - вдруг сказал Адиль, - самое трудное первые несколько дней продержаться, потом листья распустятся. - Это он вроде бы нас успокаивал. И с дядей так разговаривал, как будто они уже много лет знакомы. Кажется, он дяде понравился, я это почувствовал по тому, как дядя посмотрел на него, прежде чем ответить. Я уже заметил после разговора с милиционером, что этот Адиль со взрослыми здорово умеет разговаривать.

Я, до того как он появился в нашем дворе, ни с кем особенно не дружил. Так уж получилось. Я думаю - в основном из-за нотной папки. Не знаю, что уж в ней особенного было, папка как папка, с веревочными ручками, картонная, с вытисненной лирой и завязками бантиками по бокам. Я еще ни одного человека не встретил, чтобы он спокойно прошел мимо, когда я с этой папкой иду. Здорово она на окружающих действует. Это, наверно, потому, что я один на нашей улице, может быть, даже в районе хожу с такой папкой. Я одно время стал ноты в газету заворачивать; ничего хорошего, пока до школы дойдешь, они горбиться начинают, только и выход потом - привязывать их к пюпитру, сами ни за что не удержатся. Я из-за этой папки на полчаса раньше утром выходил, чтобы не встретить никого. Дома я об этом никому не говорил, почему-то стыдно было, а ему рассказал рано утром, когда мы пошли до занятий почек гусениц нарвать. Он на меня посмотрел и задумался, потом говорит, что все это пустяки, яйца выеденного, говорит, все это не стоит.

Мы покормили гусениц и пошли в школу. Его мама нас до угла проводила, дальше Адиль не разрешил ей. Она взяла с меня слово, что мы будем улицу осторожно переходить и домой после школы вовремя вернемся. Я даже удивился. Адиль уже в четвертый класс переходит, можно сказать, взрослый человек, а она беспокоится о нем, как будто он совсем маленький. Обо мне, например, никто Никогда так не беспокоился. Его родители и дома о нем очень заботятся и разговаривают с ним всегда ласковым голосом, у нас на улице с детьми никто еще так не разговаривал. А он, несмотря на все это, очень самостоятельный человек, на маменькиного сынка непохож совсем.

Идем мы с Адилем, разговариваем, в основном говорит он, а я время от времени слово вставляю в нужный момент, больше по сторонам смотрю, потому что знаю, что сейчас неприятности начнутся. Девчонки две мимо прошли из 18-й школы, на папку глянули, усмехнулись, одна другую в бок локтем толкнула, тоже приятного мало, но терпеть можно.

Прошли еще два квартала, и вдруг навстречу вам из-за угла вышли сразу трое. Они из той же школы, где Адиль учится; по-моему, все трое в четвертом. Месяц назад они меня на этом самом месте остановили и отняли папку. Я сперва бросался за ней от одного к другому, а потом остановился, думаю, будь что будет, до того мне вдруг все надоело. Им не понравилось, что я остановился, они сперва мне по шее надавали, каждый по одному разу, а потом раскрыли папку и ноты на мостовую вывалили. Я собираю, а они смеются.

Они нас тоже заметили и заулыбались от радости. Я говорю Адилю, давай-ка лучше смоемся отсюда поскорее, пока к нам не подошли. Он ужасно удивился: с чего это мы должны убегать, спрашивает.

А что ему на это скажешь, да и отвечать уже времени не осталось. Они приблизились к нам, сперва сделали вид, будто мимо проходят, а потом один из них, длинный, как рванет у меня из рук папку, - хорошо я ее сразу выпустил, еще секунда - и ручки бы оторвались,

Адиль ему говорит:

- Получить хочешь?- очень спокойно спросил.

Длинный - его Аслан зовут, он у них самый главный - в это время занят был, папку раскрывал. Остановился, поднял голову:

-- От тебя, что ли?

Адиль подошел к нему, отобрал папку, протянул мне.

- Пошли.

И тут они на него бросились сразу все трое. Честно говоря, мне сразу же очень захотелось убежать, но я не побежал из-за Адила, не мог же я его одного оставить. Я бросился к ним и стал оттаскивать Аслана. Схватил за куртку и тянул назад что есть силы. Он обернулся и ударил меня - наотмашь, но все равно больно было. И вдруг я перестал бояться. Только что так боялся, аж в животе холодно стало, а тут до того разозлился - бояться перестал.

Я прежде ни разу в жизни не дрался; если бы я умел драться, то, конечно, никогда бы такого не сделал... Драка тут же остановилась, все отскочили от меня и смотрят молча - до того обалдели, после того как я заорал, словно сумасшедший, и изо всех сил укусил Аслана за ухо. Он тоже молчит, лицо у него насмерть перепуганное, и рукой ухр ощупывает. Потом посмотрел на руку, увидел кровь и сразу же побледнел.

Адиль поднял папку с земли, протянул мне, и мы отправились дальше. А они все трое стояли и молча смотрели нам вслед.

В этот день мы в школу не пошли. У меня было два рубля и у Адила три, хватило на два билета. Целый час по городу гуляли, потому что первый сеанс в "Баккоммуне" начинался в десять. Я все боялся, что он надо мной смеяться будет из-за того, что я, как собака, человека укусил, а он об этом ни слова. Адиль сказал, что в воскресенье его отец нас поведет на французскую борьбу. Это, конечно, не то что бокс, но в общем тоже интересно. Предстоит матч-реванш между Фрэнком Гудом и Павлом Перекрестом. И как раз в это время мы шли мимо большого щита, на котором был нарисован здоровенный мужчина в майке с розовым лицом. Через плечо его была перекинута белая лента с медалями. На щите было написано: "Прибыл Павел Перекрест". Такие щиты по всему городу были развешаны. Адиль сказал, что этот Павел Перекрест будет бороться в матче-реванше. А противник у него негр, борец-боксер Фрэнк Гуд. Честно говоря, мне сразу же захотелось пойти посмотреть на этот матч, потому что я никогда не видел живого негра. Мы уже подходили к дому, когда Адиль спросил, как это мне пришло в голову укусить Аслана. Я посмотрел на него, вижу, он улыбается, тут и я засмеялся. А самое главное, я только теперь вспомнил, что иду с папкой. А раньше я помнил о ней всю дорогу, так и казалось, что все прохожие с нее глаз не сводят. А сегодня все шли, и каждый занимался своими делами, а не чужими папками.

Мы зашли к Адилю, и мне показалось, что он вернулся из какого-то трудного и опасного путешествия, а не из школы, до того его мама обрадовалась, когда он вошел. Раз пять поцеловала, потом отстранила от себя, еще раз посмотрела, как он выглядит, и еще раз поцеловала. И со мной очень приветливо поздоровалась и пригласила позавтракать. Завтракать я у них не стал, потому что с минуты на минуту должна была прийти Эльмира, а она не любит, когда я опаздываю. Я так и знал, она первым делом спросит, подобрал ли я на слух вальс. Я ей сыграл, она послушала, потом говорит - не подозревала о том, что мне синкопированная музыка нравится. Я ей не стал объяснять, что с синкопами этот вальс играет квинтет Певзнера. Мне даже больше нравится, как они играют, чем в фильме. Пусть думает как хочет. Потом ей Лешгорна сыграл и две пьесы Брамса. Она довольна осталась и попросила, чтобы я к следующему разу ей что-нибудь сам придумал, в том смысле, чтобы сочинил какую-нибудь вещицу и сыграл. Я спрашиваю, какую? Она мне говорит, от этуода

до симфонии, что тебе больше понравится. Я же знаю, почему она мне самостоятельные сочинения задает, ей и самой скучно Лешгорна слушать. Я слышал, как она в другой комнате сказала тете, что она мной очень довольна.

В это время за мной зашел Адиль, мы должны были вместе за листьями пойти, и я ему сыграл этот вальс из "Под небом Сицилии". Я играл, а он смотрел на меня удивленными глазами. Как только кончил, он попросил меня еще раз сыграть. Я сыграл. Он сказал, что ему очень понравилось, как я играю, и что он вообще любит музыку. Я про себя подумал, какая же это музыка, но ему ничего не сказал: если нравится человеку, чего я вмешиваться буду. Но вообще-то Адиль-первый человек, которому понравилось, как я играю; тетя, скажем, или мой дядя, они же, я вижу, морщиться начинают, когда я принимаюсь играть. Эльмира та только замечания делает или говорит, в крайнем случае, что я правильно сыграл, а тут человек совершенно серьезно заявил, что ему по душе мое исполнение. Я бы ему, наверное, еще что-нибудь подобрал, до того мне понравилось ему играть, но тут вспомнил о червях, которые давно уже доели остатки утренних почек.

От райсовета милиционер нас сразу погнал, пришлось идти чуть ли не до 2-й Параллельной, зато там мы почти все нижние ветки ободрали.

Черви, как почуяли, что мы им корм принесли, сразу же оживились - до этого лежали неподвижно на дне ящика - набросились на почки. Время от времени головы кверху поднимают, как будто интересно им, откуда это для них еда сыплется.

В воскресенье мы с Адилем пошли в цирк. Его отец нас пригласил. Я довольно-таки часто в цирк хожу, но на классическую борьбу попал в первый раз. Мы сели в первом ряду. Отец Адила купил нам мороженое и стал объяснять правила классической борьбы. Я спросил, почему она еще называется французской, на афишах было так написано, он ответил, что точно не знает, но, наверное, ее изобрели во Франции. А может, быть, случайно так назвали, никто же не знает, отчего овчарки немецкие, а сыр голландский. Он спросил/удобно ли нам сидеть и не холодно ли, - Здесь, говорит, кажется, сквозняк ощущается; я-то понимаю, что он за Адила беспокоится, в первый раз вижу, чтобы родители так о своем ребенке беспокоились. Адиль, наверное, привык, потому что не обращает на это никакого внимания. Я бы... Я не знаю, что бы я сделал, если бы на меня кто-нибудь так заботливо посмотрел при посторонних. Вообще-то интересно, как бы я себя почувствовал, если бы на меня хоть раз в жизни так посмотрели. Наверное, стыдно стало бы. А с другой стороны, чего стыдился, если на тебя смотрят таким взглядом близкие люди, может быть, даже приятно от этого становится. Надо будет у Адила спросить.

Пары по очереди выходили на середину арены и начинали толкаться, хватать за плечи и шлепать ладонью друг друга по шее, а судья бегал вокруг и выкрикивал какие-то слова на французском языке. А те, которые боролись, издавали всякие звуки, хрипели, рычали и кряхтели. Адиль с отцом глаз не спускали с арены, да и все вокруг зрители тоже. Я терпел, но потом сил никаких у меня не осталось на все это смотреть. До того надоело, что после шестой пары я тихо сказал Адилю, мол, посмотрели, и хватит, пойдем, говорю, отсюда в кино или на бульвар хотя бы. Он даже не понял вначале, чего я хочу, а потом, когда догадался, что мне все это не нравится, ужасно удивился. Как же уйдем, говорит, через три пары ведь самое главное начнется - матч-реванш. Адила отец услышал наш разговор и тоже меня стал уговаривать досмотреть борьбу до конца, говорит, все это очень интересно. Я

заметил, они с Адилем переглянулись, ничего, конечно, в этом переглядывании плохого нет, но мне стало неприятно. Я подумал: напрасно сказал Адилю, что хочу уйти; им с боим интересно, вон они как смотрят на арену, а я им мешаю. И еще я пожалел, что пришел с ними. Им бы, наверное, без меня вдвоем приятнее было смотреть борьбу. Вдруг вижу, отец Адиля встает и просит Адиля подвинуться на его место, а сам садится между нами. И начинает мне объяснять, что происходит на арене. Сейчас, говорит, борец в оранжевом трико провел двойной нельсон, очень хороший прием. Мог бы и не говорить, что хороший, по тому, как борец в синем сразу же захрюкал, я бы и сам догадался. А вот теперь, говорит, синий в партере, а этот мост не считается, потому что за ковром... И Адиль слева мне время от времени всякие названия объясняет.

Хорошо, хоть клоун время от времени на арену выскакивает. Я только на него и смотрел, я сразу заметил, что и ему эта борьба на нервы действует, когда он смотрел на борцов, на лице его чувствовалось, до чего ему все это неинтересно и скучно.

После седьмой пары оркестр заиграл особенно торжественно, под куполом зажглись разноцветные огни, вышел объявляющий и громко сказал, что начинается матч-реванш, которого с не терпением ждет весь мир. Павел Перекрест требует у Фрэнка Гуда реванш за поражение в прошлом году в Киеве. Тут все прямо заерзали на местах от нетерпения. Объявляющий еще добавил, что если Павел Перекрест возьмет сегодня реванш, то за Френком Гудом остается право на такой же матч в следующее воскресенье. Тут я сразу же сказал Адилю, что победит Павел Перекрест.

Борцы вышли на середину манежа, раз двадцать раскланялись, прежде чем им перестали хлопать, и начали бороться. Адиль спрашивает у меня шепотом:

- Откуда ты знаешь?

- Посмотришь.

Этот Фрэнк Гуд намного был выше Перекреста и стройней,

зато Павел Перекрест был приземистый и чересчур широкоплечий. Они долго боролись, но в конце все так и случилось, как я

ожидал. Перекрест победил. Все сказали, что он выиграл очень

здорово на туше!

Адиль по дороге домой у меня допытывался, как это я догадался, кто победит, а я не объяснял.

Отец Адиля сказал нам, что, конечно, эта борьба по сравнению со спортивной не очень интересная. И вообще, здесь многие встречи кончаются по договоренности, потому что цирк - это прежде всего зрелище, а если всегда будут побеждать одни и те же борцы, то на цирковую борьбу и ходить никто не будет. Я спросил, почему же все так волнуются и переживают, если известно, что все это подстроено. Он усмехнулся - так уж, говорит, люди устроены!

Адиль сказал, что он знает точно - мне бокс понравится, потому что это уж чистый спорт. И сказал отцу, чтобы он через неделю взял бы нас на чемпионат республики. Самое

интересное, он не попросил отца, а просто сказал, чтобы он нас взял. А тот сразу же согласился, молча кивнул головой, и все. Я шел рядом с ними и думал о разных вещах. О себе, об Адиле.

Я его по сравнению с другими своими товарищами недавно знаю, а уже привык к нему. Мы с ним одноклассники, и он ростом меньше меня, а кажется, что он старше. Это, наверное, оттого, что он очень уверенный и спокойный. Позавчера, например, такой случай был: мы играли в футбол на улице - наш двор с командой дома 151. Все, кто попал в команду, играли, а остальные стояли на тротуаре и "болели". Играли и "болели" до тех пор, пока Яшка Браурман не попал в окно пожарника Агасафа. Тут, конечно, все моментально разбежались, потому что Агасаф-то не будет выяснять, кто именно попал в окно, ему лишь бы кто-нибудь в лапы попался, это всем известно. Поэтому все и разбежались. Кроме Адиле. Агасаф подбежал к нему а тот стоит и смотрит на него спокойно.

- Здравствуйте, - говорит. - Это ваше окно разбили? Тот остановился, опустил руки, стоит молча, Оттого что не сразу понял, о чем это с ним говорят.

- Здравствуй, - отвечает. - Ты кто такой?

- Я ваш новый сосед.

- А это кто же тебя научил чужие стекла бить?

- Я не играю в футбол, - сказал ему Адиль. - Мне эта игра не очень нравится.

Агасаф посмотрел на него, покрутил головой и пошел к себе.

Он мечтает боксером-тяжеловесом стать и станет. Такой у него характер. А я никем не мечтаю стать. Это же нехорошо. Я до того задумался, что на несколько шагов отстал от них. Отец за руку, его ведет как маленького. Когда он с родителями, никому и в голову не придет, что он такой самостоятельный в остальное время.

Мы зашли во двор, смотрю, у дяди Шуры на площадке дверь открыта. Я попрощался с Адилем и его отцом и пошел к дяде Шуре. Мне у него очень нравится. Он пластинки собирает. По-моему, у него самая большая коллекция в Баку. Все стены в полках, а на них пластинки. Он их не на патефоне крутит, а на специальном проигрывателе с электрическим усилителем. Этот проигрыватель похож на умывальник, только вместо раковины диск крутится, а вместо крана адаптер. Мне многие его пластинки и без проигрывателя нравятся за названия: "Продавец птиц", например, или "Цыганский барон", или "Тарантелла"... Иногда я жалею, что послушал пластинку, потому что начинаешь слушать и вдруг чувствуешь, что музыка непохожа на название. Как будто обманывают тебя. В первый раз со мной так было, когда я пластинку "Искатели жемчуга" послушал. Теперь я привык и стараюсь не обращать внимания на названия. Сперва слушаю, а потом уже спрашиваю, как она называется. Дядя Шура и его жена, тетя Франгиз часто пластинки слушают. По-моему, им приятно, когда я к ним прихожу. Дядя Шура мне про деда моего рассказывает, про отца. У него фотография есть, где они вместе сняты в купальне на бульваре, им лет по пятнадцать тогда было. У дяди. Шуры вся комната фотографиями брата завешана, он говорит, что брат его знаменитый актер в Ереване - Арам Карифьян. На фотографиях он снят в разных ролях. Дядя Шура электромонтером работает, а его жена тетя Франгиз

медсестра в больнице Семашко.

Мы посидели, послушали новую пластинку - кто-то на рояле очень здорово играл. Я посмотрел. И фамилия подходящая для этой музыки у пианиста - Цфасман. "Фантазия на песни из кинофильмов".

Я ее хотел еще раз послушать, тетя Франгиз мне говорит:

-Завтра. А то змея дома!

Змеей она тетю Валиду называет. У них общий коридор. Он только фанерной перегородкой разделен. Из-за нее все слышно. А Валида терпеть не может музыки. Как что, начинает стучать. Одно время она им назло петуха купила и привязала его в коридоре рядом с перегородкой; в пять часов утра петух начинал орать так, что в моей кометате на втором этаже было слышно, а она ведь не во двор выходит, а на улицу. Всем двором ее уговаривали зарезать петуха; она согласилась только после того, как тетя Франгиз обещала слушать музыку вечером до десяти часов, а по воскресеньям и днем, но лишь до обеда.

Я ее хотел еще раз послушать, тетя Франгиз мне говорит:

-Завтра. А то змея дома!

Змеей она тетю Валиду называет. У них общий коридор. Он только фанерной перегородкой разделен. Из-за нее все слышно. А Валида терпеть не может музыки. Как что, начинает стучать. Одно время она им назло петуха купила и привязала его в коридоре рядом с перегородкой; в пять часов утра петух начинал орать так, что в моей кометате на втором этаже было слышно, а она ведь не во двор выходит, а на улицу. Всем двором ее уговаривали зарезать петуха; она согласилась только после того, как тетя Франгиз обещала слушать музыку вечером до десяти часов, а по воскресеньям и днем, но лишь до обеда.

У Валиды-ханум дверь хлопнула, ушла куда-то. Мы только пластинку поставили, слышу, меня обедать зовут. Пришлось уйти.

Тетка на меня даже не посмотрела, только сказала, чтобы я руки вымыл. Значит, дяди дома нет. При нем она со мной¹ все-таки разговаривает. А мне все равно, смотрит она на меня или нет. Даже удобнее, чтоб не смотрела. Я, прежде чем руки помыть, пошел на червей глянул. Корм у них еще оставался. Здорово они подросли за это время. И цвет у них изменился - совсем черные были, а теперь посветлели.

Прихожу на кухню, а там Валида-ханум сидит. Меня увидела, говорить перестала. Тетка поставила передо мной тарелку с супом и позвала Валиду в комнату. А я сижу на кухне и все прекрасно слышу, о чем они в комнате разговаривают, другой бы на моем месте, может быть, и не услышал ничего, а я все слышу. У меня слух такой - ненормально острый. Она про Адила родителей рассказывала. Валида-ханум рассказывает, а я ем и слушаю. И вдруг я ложку отложил и тарелку отставил. Ушам своим не верю! Валида-ханум кончила рассказывать и попросила тетку, чтобы она никому больше не говорила, потому что страшная тайна. А чего говорить зря, это каждому дураку ясно, какая это ужасная тайна!

Утром тетка говорит мне:

- Вон твой приятель на ступеньке сидит чуть ли не с семи утра! Я выглянул в дверь, смотрю, Адиль и вправду на лестнице сидит. Я его позвал в дом, на часы показываю, всего двадцать пять минут восьмого! Это я к тому, что не опоздал. Мы в половине восьмого встретиться договорились, чтобы до школы успеть за листьями сбегать.

Его мама, как всегда, нам с балкона вслед помахала.

Мы пошли на 2-ю Параллельную и вдруг видим, что у дерева перед ЖЭКом никого нет. Значит, бородатого сумасшедшего не привели еще. Адиль говорит: давай здесь и нарвем.

Полезли мы на дерево, а я все вниз смотрю, думаю, как бы не пропустить, когда он из-за угла появится. Адиль смеется надо мной, как будто он сам не боится этого психа. Я же точно знаю, что боится.

- Ты, - говорит, - если так боишься, спустись вниз, я сам нарву! Спускайся, спускайся!

Я и не подумал спуститься. Собрали мы листочков, это уже, конечно, не почки, вполне их можно назвать листьями. И пошли домой. Я ничего не собирался ему говорить, когда мы из дому вышли, а тут вдруг спрашиваю, сам не знаю, с чего это мне в голову пришло. Я ему говорю:

- Ты своих родителей помнишь?

Он удивленно посмотрел на меня, только улыбнулся.

- Ты чего улыбаешься? - я спрашиваю. - Это уже не твои родители. С которыми ты сейчас живешь.

-А чьи же? - он усмехнулся.

- Ничьи. У них своих детей нет.

- Как нет? А я?

- А они тебя из детдома взяли, когда война началась. Ты не помнишь?

- Ты чего придумал? - он у меня спрашивает, и не то чтобы разозлился, но серьезно, и уже не улыбается.

- Честное слово, не придумал!

- Вранье все это! Когда война началась, мне почти два года было. Понял! Я бы все запомнил бы! А ты глупости говоришь - и мама моя, и папа мой!

Я ему говорю:

--Да пожалуйста! Мне-то что!

Больше мы об этом с ним не говорили. Червей накормили и побежали в школу.

Возвращаюсь, смотрю, он у ворот стоит, меня дожидается.

- Это правда, - говорит. - Я теперь все вспомнил.

- Что все?

-Точно я не могу вспомнить, помню только, что, меня из детдома брали. Детдом помню.

Я ему говорю:

- Ты что, переживаешь?

Он покачал головой: мол, нет.

- И правильно, - говорю, - у меня тоже родителей нет; отец на фронте погиб, матери тоже нет. Я же не переживаю. Тем более что твои приемные родители к тебе лучше родных относятся.

Он кивнул головой и ушел. В этот день мы с ним больше не встретились.

Ночью я проснулся оттого, что меня разбудили. Открыл глаза, ничего понять не могу, сперва мне даже показалось, что это сон. В комнате родители Адила стоят, моя тетка и дядя. У Адила матери слезы текут не останавливаясь.

Дядя у меня спрашивает:

- Адиль тебе ничего днем не говорил?

- Что? О чем?

Дядя оглянулся на мать Адила, снова ко мне:

- Ну, что он собирается из дому убежать? А я только об одном и думаю, знают ли они, что это я ему все рассказал.

- Нет, - говорю, - ничего он мне не говорил. - Он же мне и вправду ничего не говорил.

Тогда Адила отец у меня спрашивает:

- Ты не заметил, может быть, он чем-то расстроен был? Или обидел его кто?

Тут я понял, что он им ничего не рассказал.

- Нет, - говорю. - Он мне ничего не говорил.

После этого они ушли. Тетя с дядей переглянулись, дядя

покачал головой и говорит:

- Каких только мерзавцев земля не носит! Тетка говорит:

- Я уверена, что Валида ему ничего не сказала. Уверена!

- Не Валида, так другой кто-то постарался! Своими руками удавил бы.

С утра во дворе только об Адиле и говорили. По-моему, в тот день все наши соседи опоздали на работу. Я, например, в школу опоздал, на второй урок пришел только. Валида-ханум чуть свет к нам прибежала. Говорит, что Адила отец ночью связался с милицией, они по его просьбе устроили проверку во всех поездах и на всех дорогах из Баку поставили дежурных. Оказывается, отец Адила-очень большой начальник в нефтяной промышленности. Это тоже Валида-ханум сказала. Все соседи гадали и думали, кто бы это

мог Адилю рассказать о том, что он приемыш. Его отец домой еще не возвращался, как ушел с ночи на розыски, так и не вернулся. А мать одна сидела дома. К ней все соседки по очереди ходили успокаивать, только все без толку, она сидела молча, слушала, что ей говорят, по всему было видно, что она не слышит. Она утром приходила к нам, я завтракал, она села напротив меня и говорит:

- Я тебя прошу, ну, пожалуйста, ты вспомни, может быть, он говорил тебе, куда он собирается уйти, может быть, он говорил тебе, а ты забыл. Постарайся, сынок, вспомнить!

Ничего он мне не говорил. Что я ей скажу? Она встала и ушла.

Знал бы, что он из дому может уйти, да я бы слова ему не сказал бы! Он же всегда такой спокойный, а тут нате вам! И непонятно ведь, чего это он из дому убежал? Я же не убегаю! Это, наверное, от неожиданности. Куда это он, интересно, убежал? Все равно ведь найдут!

Я шел по улице и думал обо всем этом. И еще я думал, что будет, когда он вернется, ведь тогда все узнают, что это я во всем виноват. Целый день я только и думал, что тогда будет.

Я обрадовался, когда Эльмира пришла.

- Подожди, ты что, забыл?.. Ты же обещал мне пьеску сочинить!

А я не забыл. Я несколько раз пытался, ничего не получилось, только начинает казаться, что придумалось, начинаешь играть, и сразу же получается какая-нибудь знакомая мелодия.

- Ничего я не сочинил!

- Почему?

- Потому что не получается у меня. И не хочу я ничего сочинять. Не нравится мне.

Она на меня внимательно посмотрела и спросила:

- Тебе вообще не хочется музыкой заниматься?

- Не хочется! Это все дядя мой придумал. А я не хочу! Музыку я люблю. Мне музыкантом быть не хочется. Пусть меня в нормальную школу переведут!

- Знаешь, милый, - сказала она. - Я еще ни одного человека не встречала, которому бы нравилось музграмотой заниматься или сольфеджио. А вдруг когда-нибудь тебе захочется быть музыкантом? Вот тогда-то все эти занятия тебе пригодятся.

- Не хочу, - сказал я. - Я и дяде скажу. Сегодня же. Пусть что хочет делает!

- Случилось что-нибудь у тебя?

Я ей хочу ответить и не могу, комок в горле застрял. Уставился в пюпитр и молчу. Она погладила мне голову, потом вздохнула, обняла меня правой рукой.

- Что с тобой, Ушки?

Тетка вошла в комнату и так и осталась в дверях стоять. Сидим мы с Эльмирой перед роялем, я ей носом уткнулся в плечо, и оба молчим.

Эльмира говорит тетке:

- Мы сегодня занятия отменили. Тетка говорит:

- Да? - и больше ничего не сказала. А уж если моя тетка ничего больше, кроме одного слова, не сказала, это значит, что она здорово удивилась.

Адила отец часов в пять пришел домой. Лицо серого цвета, это же не шутки, со вчерашнего дня он еще не спал. Он прошел мимо соседей, что во дворе стояли, они все замолчали, когда он появился и стал подниматься по лестнице. Дядя Шура спросил у него, слышно ли что-нибудь новое об Адиле. Он молча покачал головой.

Ужасно я жалел об этом разговоре с Адилем... Я все слонялся по комнате, часа два подряд, даже не присел ни разу, только и думал, что же дальше будет. И вдруг коробку с червями увидел. Я подошел к ней, а они все разом головы подняли и уставились на меня. Они же с утра голодные! На дне ни одной зеленой крошки, они даже коричневую шелуху от почек съели. Я выскочил из дому и побежал за листьями. Милиционер у райсовета сразу же прикрикнул на меня:

- А ну-ка иди отсюда, я же сказал тебе, еще раз попадешься, отведу в милицию, - он пошел ко мне, а я сразу же от него. Добежал до угла, остановился, а он стоит на том же месте. Я высунулся из-за угла и кричу ему:

- Чтoб ты сдох! - не знаю, что на меня нашло. - Осел! Скотина! Башка, кричу, - у тебя дурацкая! - Ругаюсь и не могу остановиться.

Он за мной погнался, целых два квартала бежал, только ничего у него не получилось, он в сапогах, шинели и еще кобуру рукой придерживает. Я перебежал трамвайную линию и опять ругаю его. Он мне говорит:

- Все равно я тебя найду. Ты же в этом районе живешь.

Я его в последний раз выругал и пошел на 2-ю Параллельную. Иду и думаю, что черви все равно теперь подохнут, целый день без еды просидели, думаю об этом и еще сам себе удивляюсь, с чего это я милиционера обругал. Добежал до ЖЭКа, смотрю, у дерева никого нет. Я поглядел по сторонам, сумасшедшего нигде не видно, и я моментально вскарабкался по стволу и стал собирать почки. На нижних ветвях ни одной не было, это мы с Адилем ободрали, пришлось лезть наверх. Я минут за десять полный карман набрал. Стал спускаться и вдруг смотрю, он на меня снизу смотрит. Лицо страшное-страшное, все черной бородой заросло, глаза на меня уставились - следит за мной. Руками он в ствол уперся и бормочет что-то под нос, и ждет, когда я спущусь. Я посмотрел, на улице ни одного человека. Да если бы и был кто, пользы мало, у нас на улице все его боятся. У меня ноги сразу стали слабыми-слабыми. Я обхватил и руками и ногами самую толстую ветку и пополз по ней от ствола, думаю, отползу, как можно дальше и спрыгну, не очень высоко, а там пусть попробует меня поймать... И он пошел вниз, идет и на меня смотрит. Я только назад подался и в этот момент услышал треск. Я когда летел на землю, только его лицо и видел.

Очнулся я дома, в коридоре. Открыл глаза, а надо мной этот сумасшедший. Я сразу же заорал от страха и опять сознание потерял. Сознание я потерял потому, что у меня было сотрясение мозга. Я головой об асфальт трахнулся. Этот сумасшедший поднял меня с земли и никому не отдавал. Он меня сам до дому донес. Его вели под руку, а он всю дорогу выкрикивал одно и то же, что-то непонятное, по-украински. Потом узнали, он кричал, что

нельзя детей убивать, детей нельзя убивать! Он и дома у нас от меня не соглашался отойти, пока за ним не пришли санитары из больницы. Они и перевели, что он говорил... Они объяснили., что он совершенно безобидный сумасшедший, а с ума он сошел после того, как во Львове на его глазах во время войны от бомбы погибла вся его семья. Санитары сказали, что он в первый раз сегодня заговорил, а так он до сих пор все время молчал.

Первые два дня у меня кружилась голова и слегка подташнивало, а потом все прошло. Но врач, а потом еще профессор, которого дядя привел, дедушкин друг, приказали мне вообще не шевелиться, даже когда лежу. И читать запретили. Я чуть со скуки не умер. Единственно, что через неделю кресло вынесли на балкон, и я хотя б*1 мог видеть, что во дворе делается.

Эльмира меня все эти дни навещала, каждый день приходила рассказывала, что в школе у нас делается, у нее в консерватории. Она все-таки взяла с меня слово, что я ей пьесу сочиню, как выздоровлю. Далась ей эта пьеса. Самое интересное, что за листьями для червей эти дни ходил дядя. Уж не знаю, где он их собирал, на дерево же лезть он не станет. Об Адиле ничего нового никто не знал. Хотя отец его все продолжал его искать. Он почти дома не жил из-за этого. Мать одна была дома, когда Адиль пришел. Валида как сумасшедшая заорала: "Адиль пришел!" Днем это было. Смотрю, Адиль поднимается по лестнице. Мать вышла на балкон, стоит смотрит на него. Он подошел к ней, она его обхватила обеими руками и плачет, плачет и все спрашивает: "Как ты мог, сынок? Ну как же ты мог?" Он ей говорит тихо-тихо: "Извини меня. Пожалуйста, извини".

Он через полчаса ко мне пришел, и его мать с ним, она и раньше его от себя надолго не отпускала, а теперь повсюду по пятам за ним ходит. Мы поговорили с ним, я ему все рассказал, как все со мной случилось, как раз, когда я кончил, его отец пришел. Он как увидел Адилю, сразу же сел на ступеньку лестницы. Ни слова Адилю не сказал. Взял его за руку, поднялся с трудом и повел его за руку домой. А мать за ними шла.

Я очень обрадовался, когда его увидел. Еще до того обрадовался, как понял, что он матери ничего обо мне не сказал. Я думал, он перестанет теперь со мной дружить, я бы не обиделся на него, все-таки из-за меня у него столько неприятностей было, но он, кажется, не перестал.

Наконец мне разрешили встать. Пришел дедушкин друг, постучал мне молотком по коленке, поводит перед глазами палочкой и разрешил.

Черви перестали есть. Все разом. Еще минуту назад они с хрустом разгрызали все зеленое, что попадалось им на пути, кроме самых толстых стеблей, и вдруг наступила тишина.

Огромные, каждый с мизинец взрослого человека, они беспокойно сновали по дну ящика. В последние дни они изменили цвет, теперь их тугие, без единой морщинки туловища казались налитыми жидким светлым янтарем. От их голов тянулись тончайшие нити золотого и белого цветов. Дядя посоветовал оторвать от веника несколько веточек и положить в ящик. Через несколько часов вся поверхность ящика и веников была покрыта блестящим шелком. Застыв на месте, черви, беспрерывно размахивая головами, оплетали все вокруг нежной вуалью.

Они продолжали прясть и при электрическом свете, и уже к ночи каждая гусеница была в полупрозрачном коконе, сквозь стенки которого еле различимо виднелась мерно раскачивающаяся голова, продолжающая оплетать его изнутри.

И только один червь продолжал блуждать по ящику, оставляя за собой золотую дорожку. Он так же, как и все остальные, мерно раскачивал головой с огромными траурными пятнами вокруг глаз, от него так же исходила бесконечная нить, но этот червь не останавливался, он прикрывал шелком все, что попадалось ему на пути, в том числе и чужие коконы.

- Наверное, они специально оставили одного этого, чтобы он разукрасил для них ящик, - сказал шепотом Адиль. Мы с ним полчаса уже сидели на корточках у ящика. - Чтобы бабочки, которые вылупятся из коконов, жили не в голом ящике.

- Как будто у них есть мозги?

- А чего же он не прячется, как другие, в кокон? Или же он получше место для себя выбирает, найдет и тоже спрячется в кокон?

- А может быть, - сказал я, - это такой специальный червь, который должен весь свой шелк потратить на украшение для всех остальных?

- По всей видимости, у этого червя какие-то нарушения нервной системы, сказал над моей головой дядя.

Мы до того увлеклись, что не заметили, как подошли дядя и тетя.

- Просто бездельник, - объяснила ему тетка. - Смотри, сколько он зря нити выпустил, на два конца хватило бы.

- Жалко его, - вдруг сказал Адиль, - все другие в бабочек превратятся, а он так и останется червем.

- Каждый кузнец своего счастья! - внушительно сказала тетя. Я так и знал, она не на червя этого несчастного смотрит, а на меня. Надоело мне все это!

- Пошли ужинать, - сказал дядя.

Ночью я проснулся и пошел на кухню.

Все в ящике было сплошь выстлано ровным слоем золотистого шелка. А над ним на блестящих нитях, переливающихся в свете лампы, висели разноцветные гирлянды коконов. Очень красиво! Как будто бы огромная зала с ковром, а над нею люстры из золота, серебра и хрусталя! А под люстрами продолжал размахивать головой последний оставшийся на свободе червь.

Мне стало холодно. Я притащил одеяло, завернулся в него и присел на скамеечку у ящика. Я сидел у ящика, смотрел на этого червя, который уже наполовину уменьшился в размерах, и думал о разных вещах. Вот тогда-то ночью я решил, что поеду к маме. Окончательно решил. Что значит "усыновили"? Я все-таки человек, а не кошка какая-нибудь. А может быть, мама и не хотела тогда, чтобы меня усыновляли?

Я проснулся, смотрю, совсем светло, а надо мной наклонился дядя. Он ни слова мне не сказал, только покачал головой. Тетка прибежала в халате и сразу же приложила ладонь к моему лбу.

- Температуры, кажется, нет, - хмуро сказала она.

- Отправляйся в постель, - сказал дядя.

- Я не хочу спать, - мне и вправду не хотелось. - Честное слово, я здесь очень хорошо выспался.

- Что мне делать с тобой? - сказал, дядя, он вздохнул и, присев рядом, обнял меня за плечи.

Червь перестал двигаться, теперь он не был похож на червя. Черный-пречерный, не больше фасоли, как будто кто-то бросил на шелковые коконы кусочек антрацита.

- И все-таки поспать тебе придется.

--- А школа?

- Опоздаешь. Я позвоню директору. Может быть, он разрешит.

Конечно, разрешит, школа-то все-таки имени моего деда, отца дяди. В школе из-за этого житья нет. Пользы никакой, а разговоры с первого класса все на один лад: "Должен быть достоин" и т. д.

Я как проснулся в половине десятого, "прошел медосмотр у тети, выпил стакан молока, сразу же побежал в школу. Смотрю, на углу Адик стоит.

- У тебя рубль есть?.. И у меня три, как. раз на два билета. Пошли в кино... Я два раза к тебе звонил, давал отбой, тетя твоя подходила.

У кинотеатра "Низами" мы остановились.

- "Тоска", - сказал Адик. Я не сразу понял.

- В каком смысле? - спрашиваю, потом только афишу увидел. Ничего себе название - "Тоска"!

- Не тоска, а "Тоска", это женское имя, дети! - это нам какая-то тетка объяснила, она стояла рядом с нами и, видимо, тоже раздумывала, идти или нет.

- У кассы ни одного человека, - сказал Адиль. - Барахло, наверное. Мы все-таки купили билеты.

- И впрямь тоска, - спустя несколько минут после начала сказал Адик. - И чего они все время поют? Может, уйдем?

Я ничего не ответил, только головой помотал. Я до этого даже представить не сумел бы, что люди могут так петь.

Адик еще некоторое время поворчал, а потом, кажется, замолчал, или, скорее всего, я перестал слышать. У меня мурашки по коже побежали, когда Каварадосси произнес первые слова арии. Я сидел, вцепившись руками в спинку стула передо мной, и чувствовал, как ненавижу дуру Тоску, которая так и не поняла, что она натворила. Потом мне ее ужасно

стало жалко, когда она встала на колени перед трупом человека, которого только что убили на наших глазах на крыше у бойниц.

Я заметил, что и Адик вздрогнул, когда Тоска подошла к зубцам башни, бросилась вниз и ее тело разбилось о чернеющие внизу камни тюремной мостовой.

Чего ты, - сказал Адик. - Это же театр, значит, все неправда.

Мы вышли из кинотеатра, снова остановились у афиши.

- Ян Кипура. Какое красивое имя.

- Это кто? - спросил Адик.

- Певец, который играл Каварадосси... А ее зовут Ива Конти... Солистка Миланской оперы.

По дороге домой я сказал Адиду, что окончательно решил съездить к матери. Он тоже захотел со мной поехать, но я сказал, что не стоит. Честно говоря, я очень боялся, что мама может сразу меня не узнать, еще подумает, что ее сын Адик, все-таки в последний раз она меня видела, когда мне было два года... Я-то ее узнал бы сразу, по фотографии, взрослые ведь не очень меняются... Но Адиду я об этом ничего не сказал.

Ящик с коконами тетя Мензер поставила на трельяж так, чтобы его золотисто-серебряное содержимое отражалось сразу в трех створках. Она всем говорила, что когда она смотрит на этот ящик, то чувствует, как у нее начинают успокаиваться нервы. Нервы ее окончательно не успокоились, потому что через некоторое время кончики коконов потемнели, а еще через несколько дней в них появились некрасивые мокрые дырки, из них, извиваясь всем телом, выбрались на волю какие-то существа неприятного бурого цвета. Через полчаса, обсохнув, они превратились в крупных пушистых белых бабочек. Никому бы в голову не пришло, глядя на них, что они могли поместиться в коконы и что они вообще когда-то были червями. Бабочки трепетно подрагивали крыльями, обсыпанными нежной пудрой, сперва потанцевали на ковре, вытканном червем-неудачником, а потом здесь же в ящике, летать они не умели, все разом, разделившись на пары, набросились друг на друга и намертво сцепились туловищами, непрерывно при этом взмахивая крыльями. Тете Мензер это очень не понравилось, она покраснела, и лицо у нее было такое, как будто ее кто-то обманул или обругал. Она прикрыла ящик куском картона и убрала его с трельяжа, а нам с Адилем

сказала, чтобы мы шли заниматься. Но мы все равно, когда ее не было на кухне, время от времени заглядывали под картон. Бабочки оставались соединенными еще сутки, а потом они вялой походкой разошлись кто куда. Пудра с крыльев облетела начисто, да и от крыльев остались сплошь обгрызанные по краям ветхие треугольнички.

Вечером того же дня все бабочки до одной были мертвы, На шелковом дне ящика, после каждой из них осталась небольшая горка светлых семян-яичек. Дядя посоветовал запрятать их в какое-нибудь темное место, чтобы следующей весной червяки не вылупились раньше срока. Я смотрел на этих мертвых бабочек, на их дырявые гробы-коконы и никак не мог понять, о чем я в это время думаю, и почему-то вспомнил, как прошлым летом мы были в гостях у дядиных друзей в Пиршагах и я вечером пошел один погулять на берег моря. Я только успел дойти до берега, как сразу же стемнело. Я стоял на самом берегу черного

ночного моря, ни луны не было видно, ни звезд, да и самого моря не было видно, такая вдруг темнота наступила. И в этой темноте был слышен только рокот волн. Мне тогда показалось, что нет вокруг и никогда больше не будет никого, кроме меня и этой страшной темноты. Я еще минуту постоял, а стоял я потому, что у меня не было сил сдвинуться с места, а потом я повернулся и бежал без передышки до самого дома. Я даже не вспомнил этот вечер, глядя на ящик со всем его содержимым, а испытывал то же самое, что тогда на берегу. Непонятный страх перед чем-то неведомым и ужасным.

- Ты чего молчишь? - спросил дядя и внимательно посмотрел на меня.

- А те, которые весной появятся, тоже превратятся в бабочек и тоже умрут? Тогда для чего же все это? - я понимал, что спрашиваю совсем не то, что собирался, но я не знал слов, какими надо спросить о том, что я чувствовал и хотел узнать на

самом деле.

- Как для чего? - улыбаясь сказал дядя. - Они сделали свое дело - оставили потомство. Благодаря этому и людям польза, шелк получают таким способом.

- Да я не о том, - мне очень хотелось уйти, но дядя остановил меня.

- О чем?

- Я не о пользе, - сказал я. - А зачем им это нужно? Вылупиться на один день из коконов, снести яички и тут же подохнуть? Какой им в этом смысл?

- А у них не спрашивают, нужно им или нет, - сказал дядя. - Уж так природа устроена.

- И люди так же? - спросил я. - Знают, что все равно умрут, рано или поздно, и все равно живут? Зачем? - Я сам почувствовал, что спрашиваю что-то не то, но других слов подобрать не мог. Как раз, когда я говорил это, на кухню вошла тетка, уставилась на меня, потом говорит:

- Да ты сперва проживи по-человечески...

- Погоди, погоди, - прервал ее дядя. - А ты молодец, нашел, с чем людей сравнивать! - Дядя улыбнулся, но я все равно почувствовал, что он обиделся за людей. С одной стороны, правильно, кому это понравится, что его с червями сравнивают, даже полезными для сельского хозяйства.

- Я совсем не то хотел спросить, - сказал я, чтобы как-то перевести разговор. - Просто мне стало жалко червя, который не свил себе кокона. Он ведь все-таки здорово ящик разукрасил!

- Ладно, - улыбнулся дядя. - Я тоже против этого червя ничего не имею. Устраивает тебя это? Иди погуляй на свежий воздух, как-никак сегодня воскресенье.

Когда я уходил, они молчали - дядя и тетка, я их хоть и не видел, но знал, что еще долго после моего ухода они смотрели друг на друга озабоченным взглядом, и тетка вздыхала при этом. Одно мне только непонятно, кого она при этом больше всего жалеет - меня за то, что я такой глупый и противный, или дядю и себя за то, что им приходится все это терпеть?

Я поднялся на крышу, где меня уже ждал Адик, и мы начали запускать змея. Я с ним тоже поговорил об этих шелковичных: червях. Чувствую, что не надо, а удержаться не могу.

- Все то же самое, - сказал Адик. - Для этого и существуют мужчины и женщины...

Хорошо, что как раз в это время на крышу поднялся отец Адика. Я никогда в жизни больше не встречал взрослого, который любил бы запускать змеев. Мы никому не говорили, что змеев клеит нам он. Делал он их из специальной толстой непромокаемой бумаги. Нам с Адиком только и оставалось, что покрасить его и навесить хвост. Нам все завидовали, ни у кого, ни в школе, ни на улице, не было таких огромных змеев. Он мне говорит:

- Ты чего нос повесил?

- Что вы, - говорю, - у меня хорошее настроение.

- Сейчас еще лучше будет, - он отобрал у Адика змея, разбежался с ним по крыше и подбросил его над головой против ветра.

- Быстрее отматывай! - закричал он на меня, хотя я и без того изо всех сил сматывал с катушки шпагат. Змей поднимался все выше и выше, целых две катушки шпагата сожрал. Сперва он нырял, а потом перестал и застыл неподвижно. Мне показалось, что он долетел до бульвара и уже висит над морем, но отец Адика сказал, что это мне кажется, до моря двух катушек не хватит. Мы стояли на самом краю крыши, и весь город был под нами. Конец шпагата от змея держал я. Мне и на самом деле было очень весело, оттого что нам так удачно удалось запустить змея. Но я почему-то чувствовал, что и Адик, и его отцу, который стоял рядом с Адиком и придерживал его за плечо, все-таки гораздо веселее, чем мне.

Глава III

Мы стояли на холодке у выхода и беседовали на разные, в основном жизнерадостные темы. Время от времени с удовольствием и приветливо раскланивались со знакомыми, а на их вопросы о цели нашего пребывания на территории аэропорта отвечали с достоинством, но чуть небрежно, без малейших внешних проявлений радости по поводу обычного для нашего коллектива события выезда на трехмесячные летние каникулы.

Через час мы перестали беседовать и со знакомыми стали раскланиваться гораздо сдержанней, почти на самом нижнем пределе вежливости, этим мы добились резкого снижения числа вышеупомянутых вопросов.

Теперь мы стояли молча у груды инструментов и чемоданов и с повышенным интересом наблюдали бьющую ключом жизнь аэропорта. Кроме нашей группы, в зале все находилось в движении.

У нас оказалось достаточно времени для того, чтобы все рассмотреть подробно и многократно. Оживление и деловая суета наблюдались и у стойки номер три, где последние, вернее, самые последние пятьдесят минут шла регистрация билетов и багажа та рейс Баку - Симферополь, шла без всякого нашего участия по причине полного отсутствия билетов и даже паспортов, отобранных после репетиции программы три дня назад товарищем Тагиевым, тем самым товарищем, который обзвонил нас всех вчера вечером и с каждого взял слово, что он приедет вовремя, с точностью до минуты, за два часа до посадки.

Он появился неожиданно из комнаты матери и ребенка и с недовольным видом подошел к нам.

- Что вы здесь делаете? - свирепым голосом спросил он.

- Играем в бильярд, партия три рубля и пиво маркеру за счет проигравшего, - немедленно отозвался Сеймур, и я испытал в этот момент уважение к его мужеству, сделав вид, что не заметил сеймуровского юмора, то есть притворился, что в этот раз не увидел огромного двузначного номера его сорта.,

Даже несмотря на то, что появление товарища Тагиева оказало на мой чахнувший в сыром, подвале дух действие скоростного лифта с включенным вентилятором и кнопкой "мимо", мне в отличие от Сеймура было не до шуток. Только теперь я с полной мерой остроты ощутил, сколько надежд мною возлагалось на эти гастроли,

- Объявления надо слушать! - сквозь зубы сказал товарищ Тагиев, и я всецело был на его стороне. Действительно, это же совсем нетрудно послушать очень важное для себя же объявление! - Пять раз передавали. Пошли! - Мы двинулись за ним - Я один, а вас много!..

- Не очень, - успел вставить Сеймур, - вместе с солистом нас всего восемь человек.

- А вы, как руководитель оркестра, могли бы собрать всех в депутатской комнате, - совсем уже сердито сказал товарищ Тагиев. - Я из-за вашего багажа задержался, пришлось пилота просить, чтобы он разрешил пронести в самолет ваши инструменты. -- Он неожиданно остановился, поднял палец. - Вот! В шестой раз передают!

"Эстрадную группу "Фламинго" просят подняться на второй

этаж, в комнату для депутатов. Повторяем..."

Мы все молча переглянулись.

И тогда свирепое выражение сползло с лица товарища Тагиева. Теперь оно выглядело смущенным и даже застенчивым, он потер лоб и виновато улыбнулся.

- Извините, - сказал он, почему-то обращаясь ко мне. - Извините. Забыл сообщить вам, что вашему оркестру присвоено официальное название - группа "Фламинго". Совсем из головы вылетело. Вам нравится это название?

На посадку мы и впрямь прошли через комнату для депутатов. Я был уверен, что нас повернут в дверях обратно, в этих делах наш оркестр обладал солидным опытом, но все обошлось. В большой прохладной комнате с пальмами и фонтаном стояли удобные мягкие кресла и столики с разложенными на них журналами и газетами. За одним из столов сидели и разговаривали несколько мужчин и женщин, они мельком глянули на нас и продолжили разговор. Товарищ Тагиев сказал нам, чтобы до его прихода мы никуда отсюда не отлучались. Сказал и исчез. Из окна напротив моего кресла виден наш самолет, пассажиры столпились у трапа, посадка еще не началась.

В дверях появилась дежурная в синей форме и шапочке и направилась к нам. По пути остановилась перед футлярами и чемоданами, сложенными в кучу на полу. Молча поглядела, только головой покачала, подошла, спросила довольно-таки суровым тоном:

- Вы группа "Фламинго"?

Никто из нас сразу не ответил, и напрасно, потому что за соседним столом в этой паузе разговаривать перестали и хором уставились на нас. Мы посмотрели на Сеймура, ждем, чтобы он ответил, а он вдруг возьми до подмигни этой дежурной. Она ужасно удивилась, и не только она, даже все мы обалдели, в том числе и сам Сеймур.

- Мы группа "Фламинго", - сказал Адик и встал. Она с трудом отвела взгляд от Сеймура. И потом, пока разговаривала с нами, нет-нет да глянет на него с ужасом, и каждый раз этот осел ей подмигивал. Он потом под эти подмигивания подводил всякие теоретические фундаменты, и ребята верили ему, все, кроме меня; я то сразу понял, что в первый раз он подмигнул ей с перепугу, потому что думал, что она пришла нас выгонять, а дальше продолжал мигать по инерции.

- Я пришла вас проводить на самолет. Берите, пожалуйста, вещи и пошли.

Мы прошли к трапу сквозь толпу пассажиров- и первыми вошли в самолет.

В дверях нас встречал товарищ Тагиев. Он сказал, чтобы мы побыстрее сложили вещи в гардеробе, а потом познакомил нас с командиром корабля и штурманом. Не знаю, что он там о нас говорил, но разговаривали они с нами так, будто мы действительно представляем собой что-то очень ценное и значительное. Командир корабля, когда узнал, что мы впервые летим на Ил-18, пригласил позже, во время полета, зайти к нему в кабину. В ответ мы пригласили их всех на наше выступление, и они долго благодарили.

Товарищ Тагиев раздал нам всем билеты, паспорта и дополнительно вручил каждому запечатанный конверт.

Только после того, как мы заняли свои места, началась посадка. Я сразу же вскрыл конверт, в нем были деньги, новенькие бумажки и мелочь, всего сто двадцать рублей сорок копеек. В конверте Адика оказалось девяносто пять рублей. Как потом объяснил товарищ Тагиев, это был аванс в счет наших будущих заработков. Все происходило словно в прекрасном сне! И как часто бывает во сне, мне вдруг показалось, что скоро он кончится. Я не удержался, и, как только он сел, его место оказалось рядом с моим, я спросил у него, чем можно объяснить необычное внимание легкого состава к нашему оркестру. Он внимательно посмотрел на меня, у меня было ощущение, что он вначале собирался улыбнуться, но почти сразу раздумал и серьезным тоном сказал:

- Ребята должны привыкнуть к мысли, что вы очень хорошие музыканты. А то, что вы до сих пор оставались в неизвестности, - это случайность. Скоро все встанет на свои места, увидите. Вы мне верите? - он переводил взгляд то на Адика, то на меня.

В этот раз я не кивнул, потому что действительно не мог решить, шутит он или говорит серьезно.

В Симферополе в аэропорту нас встретил представитель филармонии - парнишка наших лет - и объявил, что турне мы начнем с Ялты. С товарищем Тагиевым - он назвал его по имени

и отчеству, Давудом Балаевичем, - Валера разговаривал очень почтительно, впрочем, не только с ним, он вообще оказался вежливым и услужливым человеком. Потом выяснилось, что к нашей группе его прикрепили по просьбе товарища Тагиева, они хорошо знали друг друга по прежним гастрольным поездкам. Пока мы грузили в "Латвию" наше имущество, они на минуту отлучились, и товарищ Тагиев вернулся, значительно повеселев. Я еще в Баку понял, за тот месяц, что мы репетировали программу, каким способом он так быстро улучшает настроение. Правда, пьяным мы его ни разу не видели, только по блеску в глазах и легкому запаху можно было определить, что, по выражению Сеймура, "товарищ хорошо подготовился по линии вина и фруктов". Он эту подготовку как-то наблюдал в буфете филармонии, товарищ Тагиев подошел к стойке и поздоровался с буфетчицей, а та сразу налила ему стакан коньяка и положила на тарелку половинку соленого огурца. Тут он увидел Сеймура, почему-то не поздоровался, только глянул сердито в его сторону, и разом выпил весь стакан, а через несколько минут как ни в чем не бывало сидел в зале и слушал, как мы репетируем. На репетициях он всегда сидел молча и внимательно слушал. За все время сделал всего несколько замечаний, надо сказать, что все они были по делу. Ни к одному из музыкантов он с этими замечаниями и советами не обращался, в перерыве или после окончания репетиции поднимался на сцену, и подходил к Сеймуру, и начинал, да так, как будто перед ним не Сеймур стоит, нормальный лабух по кличке Глыба, а по крайней мере Эдди Рознер или Макс Греггер: "Маэстро, вам не показалось, что..." Сеймур первое время от "маэстро" вздрагивал и смотрел на него настороженным взглядом, не только ему, нам всем казалось, что товарищ Тагиев придумал хитрый способ подшучивания, но потом привык и на "маэстро" откликался без напряжения, хоть какие-то сомнения по поводу иронического подтекста у него оставались. Он и программу концертов попросил Сеймура составить, в целом он ее принял, только добавил две-три вещи. Сеймур попробовал было поспорить, но товарищ Тагиев посмотрел на него кротким взором и сказал, что он по всем пунктам возражений полностью с Сеймуром согласен, но поправки принять придется на том основании, что деятельность нашего оркестра будет проходить не в вакууме или башне из слоновой кости, а в окружающем нас обществе, а с его требованиями и запросами мы считаться обязаны.

Мы поселились в гостинице "Ореанда" на самом берегу моря. Валера раздал нам ключи, и тут выяснилось, что в отдельных номерах будут жить три человека: товарищ Тагиев, Сеймур и я. А всех остальных селят по двое. Я подошел к Валере, тихо, так чтобы Адиль не слышал, попросил, чтобы нас поселили вместе Адика и меня. Валера приветливо улыбнулся и сказал, что тут и устраивать нечего, все и так в полном порядке, на двух человек в моем номере места хватит с избытком.

Товарищ Тагиев объявил, что на размещение и обед нам дается, он глянул на часы, пятьдесят минут, после чего все должны собраться в его номере. Со дня первой встречи с товарищем Тагиевым я начал довольно-таки быстро привыкать к приятным неожиданностям, и, все-таки войдя в номер, мы в очередной раз с удовольствием испытали эту ощущение. Из всех окон обеих комнат виднелось безбрежное море с налипшими там-сям на его темно-синюю поверхность белыми треугольничками парусных яхт. На минуту показалось, что не существует ни набережной перед гостиницей, ни парашюта над морем и что прохладная вода с веселым плеском ударяется под окнами о стены здания.

Из-за этого шикарного вида-открытки я не сразу заметил, что в углу просторной, обставленной добротной мягкой мебелью гостиной стоит рояль. И не какой-нибудь используемый в декоративных целях лакированный ящик с дребезжащим и стонущим содержимым, а весьма приличный по звучанию старый "Циммерман". В этом я убедился немедленно, взяв несколько аккордов и не без лихости проиграв два-три пассажа. Я сидел и что-то наигрывал, а мысли мои тем временем, легко расставшись с роялем, занялись тем непривычным, что с самого утра ощущалось в поведении Адила. Судя по шуму воды, доносившемуся из-за приоткрытой двери ванной, он принимал душ. При этом не напевая, не насвистывая и ни разу не заговорив со мной. Это раз! Десять минут назад он раскладывал в спальне вещи. Молча. В самолете почти сразу же я заснул, но теперь вспомнил, что и в аэропорту, и в период моего кратковременного бодрствования вид у него был довольно-таки угрюмый.

Это два и три!

Глядя на ровную поверхность зеленого дерна с проросшими сквозь него ромашками и одуванчиками, самому наблюдательному человеку не пришло бы в голову, что могила находится именно в этом уголке большого фруктового сада. Не догадался бы и я, если бы не хозяин сада, начавший устанавливать на моих глазах скромное надгробье с надписью - перечнем основных замечательных качеств экстерьера и нрава погребенной здесь собачки. Пообедать мы не успели, потому что, когда я окончил допрос, результаты которого не принесли мне никакой радости, наступило время идти к товарищу Тагиеву.

- Наплюй, - посоветовал я. - Если хочешь знать мое мнение, она тебя не стоит. Да, да, да! - заорал я, заметив, что Адик хочет возразить. - Со стороны виднее. Наплюй и забудь! - Я произносил классическую формулу утешения с убежденностью в голосе и во взоре, но без малейшей веры в душе в ее целебные свойства.

- Она мне сказала, что ей нравился и нравится только один человек. Это ты! - сообщил мне Адиль.

- Видишь! Теперь ты убедился, что она за человек? Нарочно придумала, чтобы вызвать у тебя ревность.

- Очень ей нужна моя ревность! - вяло усмехнулся Адик. - Это "правда. Она мне и о ночном телефонном разговоре рассказала. - Он с упреком посмотрел на меня, и мне совсем уж стало его жалко. - Почему ты от меня скрыл? Если бы я знал, что она звонила, может быть, мне не пришлось бы с ней вчера разговаривать.

- Пошли, - сказал я, вытянул его за руку из кресла и повел к двери. - Я все равно скажу, хочешь - обижайся ни меня... Она дрянь. Тупая бессердечная дрянь. И вкус у нее паршивый, если она о таком человеке, как ты, не разобралась толком. - Только человек, близко знающий Адика, а таких людей, считая вместе со мной его родителей, было трое, мог представить себе; его теперешнее состояние, и во что оно может вылиться. До этого "кадра в желтом" ему давно никто не нравился. В последний раз, с ним это произошло два года назад на целине. В то лето мы только-только отслужили в армии и с нашего согласия нас, нескольких полковых музыкантов, перед отправкой домой откомандировали из Орска в совхоз "Северный", что в Домбаровке Актюбинском области. Мы дали там несколько концертов, выступали мы уже в штатском, и Адик заменил армейский кларнет на саксофон,

репертуар у нас был довольно-таки ограниченный - "Бухенвальдский набат", "Хотят ли русские войны" и еще пять-шесть песен... Через неделю нас послали в соседний совхоз, где мы должны были дать последние два-три концерта для студентов и механизаторов. Мы приехали туда вечерам на грузовике, новеньком ГАЗ-23 с двумя бензобаками и с мотором усиленной мощности. Вел эту замечательную машину Жора, бывший моряк Балтийского флота, наш друг, покровитель и шофер.

Вполне возможно, что и через много-много лет я останусь при убеждении, что эти две теплые августовские недели до приезда в Баку были одними из самых приятных и беззаботных в моей жизни... Адиль? Так вот, как раз на территории этого совхоза, куда мы приехали в тот вечер, рядом с зернохранилищем, на танцплощадке, освещаемой фарами трех комбайнов и двух тракторов, Адилу впервые за долгое время понравилась девушка. Я сразу это понял, как только увидел их вместе после концерта.

В ожидании следующего танца Адиль вел беседу со своей дамой, миловидной и стройной, студенткой ленинградского медицинского института. Причем в отличие от многих будущих врачей всех специальностей она была почти на два сантиметра ниже своего собеседника, что неизмеримо усиливало воздействие ее обаяния и женственности.

В полной мере наслаждаясь жизнью, Адик станцевал еще один танец. В перерыве его отозвали в сторону. Внешне это сильно походило на сцену во дворе большого дома, во время которой серый в яблоках дог, занимающийся с самого щенячьего возраста до нынешнего периода возмужания и расцвета боксом, штангой и дзю-до, уговаривал кота по кличке Рыбка, впервые выпущенного во двор по случаю генеральной уборки, сходить потолковать за угол.

- Иди-ка сюда, саксофон, - повторил собеседник и завлекательно поманил пальцем.

- Не ходите, - она ухватила Адилу за рукав. - Это жуткий хулиган. Все время пристаёт, гадости говорит. Не ходите! Его здесь все боятся.

- Я не саксофон, - терпеливым тоном попытался во второй раз рассеять это нелепое заблуждение Адик.

- Верно, - неожиданно согласился собеседник. - Какой из тебя саксофон? Шмакодявка, вот ты кто! Карлик! Угадал?

Доля справедливости в словах местного хулигана, пристающего к приезжим девушкам с неприличными предложениями, была - Адик и на самом деле весит ненамного больше взрослой кошки, но это обстоятельство, как незамедлительно довелось убедиться на практике его собеседнику, никаких существенных преимуществ не дает.

...Мы с Жорой подросли тогда, когда Адик в ритме шатуна паровоза бился головой о ненавистное лицо, используя в качестве парового котла, передаточных механизмов и вспомогательных рычагов все части своего тела, и главным образом руки, мертвой хваткой вцепившиеся в борта вражеского пиджака. Когда вышеупомянутые оба борта и вместе с ними Адика удалось оторвать от пиджака и отнести за пределы ристалища - танцплощадки, выяснилось, что противник оказался мужественным человеком. Оказав себе первую медицинскую помощь в виде платка, прижатого к носу, он сделал заявление, суть которого сводилась к обещанию в ближайшее время совершить по отношению к Адилу одно из

тягчайших уголовных преступлений. Оратор был вынужден прервать выступление из-за помехи в виде Адика, за которым гналась толпа миротворцев. В свете фар можно было разглядеть, что в правой руке он держит полуметровую железку вызывающе антисанитарного вида. Позже я узнал, что это была чрезвычайно дефицитная деталь, отложенная для ремонта самоходного комбайна.

Зрители все до одного замерли - бегун с факелом, поднятым над головой, подбегал к чаше в центре стадиона, еще одно мгновение, и запылал бы олимпийский огонь, но быстрее, чем успел иссякнуть этот самый последний миг, чаша хрюкнула и сорвалась с места.

Всю ночь до рассвета мы с Жорой рыскали на машине по степи, прежде чем нам удалось найти Адила. Первое, что он нам сказал: "Уедем отсюда сейчас же". И мы уехали. В то утро - в совхоз "Северный", а через несколько дней - в Баку. С ленинградкой он не попрощался - сказал, что ему стыдно...

Я порадовался про себя своей предусмотрительности, благодаря которой мы с Адиком жили в одном номере, и решил с этой минуты не оставлять его в одиночестве. Номер, занимаемый товарищем Тагиевым, был очень похож на мой, если не считать отсутствия двух деталей - рояля и шикарного вида, - окна ;комнаты, в которой мы собрались, выходили на обычную городскую улицу.

Валера включил радио, и я услышал свой голос. Передача началась с "Цветов добра". Потом вкрадчивый женский голос начал рассказывать о нашем оркестре. Я плохо понимал, о чем говорит диктор, потому что немного растерялся от неожиданности. Я в первый раз услышал себя по радио. Я даже не сразу сообразил, что передается запись, которую сделали в Баку перед самым отъездом. Передача продолжалась минут пятнадцать. Товарищ Тагиев слушал с недовольным видом и по окончании сказал, что запись сделана не очень качественно, плохо прослушиваются солирующие инструменты.

Всю ночь до рассвета мы с Жорой рыскали на машине по степи, прежде чем нам удалось найти Адила. Первое, что он нам сказал: "Уедем отсюда сейчас же". И мы уехали. В то утро - в совхоз "Северный", а через несколько дней - в Баку. С ленинградкой он не попрощался - сказал, что ему стыдно...

Я порадовался про себя своей предусмотрительности, благодаря которой мы с Адиком жили в одном номере, и решил с этой минуты не оставлять его в одиночестве. Номер, занимаемый товарищем Тагиевым, был очень похож на мой, если не считать отсутствия двух деталей - рояля и шикарного вида, - окна ;комнаты, в которой мы собрались, выходили на обычную городскую улицу.

Валера включил радио, и я услышал свой голос. Передача началась с "Цветов добра". Потом вкрадчивый женский голос начал рассказывать о нашем оркестре. Я плохо понимал, о чем говорит диктор, потому что немного растерялся от неожиданности. Я в первый раз услышал себя по радио. Я даже не сразу сообразил, что передается запись, которую сделали в Баку перед самым отъездом. Передача продолжалась минут пятнадцать. Товарищ Тагиев слушал с недовольным видом и по окончании сказал, что запись сделана не очень качественно, плохо прослушиваются солирующие инструменты.

Первый концерт мы дали в небольшом киноконцертном летнем зале. Несмотря на завлекательную передачу по радио и развешанные по всему городу красочные афиши с нашими фотографиями, народу пришло немного - от силы треть зала. Мы пришли за час до начала, если не считать сторожа, отперевшего входную дверь, первые полчаса мы были единственными обитателями всех помещений, включая репетиционные, сцену и зал. За минуту до начала концерта Давуд Балаевич в последний, десятый или пятнадцатый, раз поглядел в глазок, прошелся взглядом по нашим физиономиям и, не найдя на них ни малейшего признака радостного ожидания и праздника, уместных в связи с началом гастролей, пожевал губами, после чего обратился к нам с краткой речью.

- Все идет по плану, - сказал Давуд Балаевич. - Вы мне поверьте! Возможно, на этом он закончил бы, если бы не Сеймур: Давуду Балаевичу показалось, что тот усмехнулся, - позже, в антракте, Сеймур утверждал, что это был нормальный грустный вздох. - Ничего смешного! - рассерженно сказал Давуд Балаевич. - Вы что думали, все сразу бросят дела и побегут на ваш концерт? Вас никто еще не знает. Вот если после пятого концерта в кассе останется хоть один билет, вот тогда я скажу: грош нам цена, и вам всем, и мне, старому дураку.

Он отошел за кулисы и сел рядом со мной. Ребята стояли на сцене перед закрытым занавесом, каждый на своем месте. Сеймур, не поднимая головы, обеими руками медленно и с усилием нажимая на клавиши, брал беззвучные аккорды, с того места за кулисами, где я стоял, трудно было разглядеть точно, какие ноты он берет, но я был уверен, что догадался верно, он без единого звука играл моцартовский "Реквием". Ребята смотрели на него. Ждали. Даже Давуд Балаевич почему-то повернулся к роялю, хотя объявляющий стоял рядом с ним, и тоже молча посмотрел на Сеймура.

Глыба поднял голову от клавиатуры, лицо у него было очень бледное, он с удивлением огляделся, как будто не сразу понял, как мы все здесь очутились, и спросил:

- Начали?- никто не ответил. - Начали! - сказал Сеймур и, как всегда, энергично кивнул головой.

Мы обедали в кафе на втором этаже "Ореанды". Ярко и вместе с тем нежарко светило солнце, ласково рокотало голубое море, гортанно кричали веселые белоснежные чайки, по гранитной набережной беззаботно прогуливалась нарядная толпа, а между столиками проворно сновали приветливые жизнерадостные официантки. Во главе единственного большого стола, созданного заведующей кафе, дважды побывавшей на нашем концерте, путем лишения суверенитета и слияния территории двух столиков, сидел Давуд Балаевич и вел с нами неторопливую изящную беседу на темы музыкального и кулинарного искусств. Все ели с аппетитом, сильно проголодавшись после растянувшейся на четыре часа утренней репетиции. И в это время пришел Валера. Он прошел мимо своего постоянного места за нашим столом и остановился перед Давудом Балаевичем. Тот прервал беседу и посмотрел на Валеру, потом вытер губы салфеткой и посмотрел на безмолвного Валеру еще раз и уже не сводил с него взгляда.

- Аншлаг, - в наступившей за столом тишине негромко объявил Валера.

- Золотко, - окликнул официантку Давуд Балаевич. - Золотко! - Его дрогнувший голос со второй попытки восстановил присущий ему тембр. Пожалуйста, коньяк. стакан, конечно, -

слегка раздраженно добавил он, потом занялся Валерой: - Мог бы сразу сказать! А то стал... Ну, что я говорил?!

- Вы говорили о пятом концерте, а первый аншлаг на седьмом вывешен.

- Дай бог мне всегда так сильно ошибаться, - сказал Валере Давуд Балаевич, бережно принимая из рук официантки стакан. - По такому случаю я обязан выпить, - ни к кому, собственно, не обращаясь, негромко пробормотал он, мне послышалась в его тоне легкая извиняющаяся интонация, я вспомнил при этом, что выпивающим вижу его впервые. - Ребята! - сказал он. - Я вас поздравляю. У нас сегодня хороший день. - Он не поморщившись выпил коньяк, пил медленно, от этого зрелища у меня мурашки по коже забегали, поставил пустой стакан и, не закусив, ровным голосом продолжил: - Все будет хорошо, все будет нормально, лишь бы... Всю жизнь неожиданностей боялся.

После обеда мы пошли побродить по набережной. Нам это не казалось - мы часто ловили на себе любопытные взгляды прохожих, в Ялте нас начали узнавать.

- Он начал за собой следить, - сказал Адиль, глядя на сидящего на скамейке у парапета Давуда Балаевича. Он и впрямь выглядел неплохо - в модном сером костюме, коричневых туфлях и легкой широкополой шляпе. Нас удивляла его энергия, он просыпался раньше всех, успевал до того, как мы проснемся, сходить в управление, до которого от гостиницы было минут пятнадцать ходьбы, непременно присутствовал па всех репетициях и даже умудрялся забежать к нам в номер, послушать как я распеваюсь. Сегодня утром он сказал мне, что хочет познакомить меня с кг^ким-то Николаем Федоровичем, его сокурсником по Ленинградской консерватории, Давуду Балаев-чу хотелось, чтобы он меня послушал.

- От этого может быть для тебя только польза! - важно сказал Давуд Балаевич, я был единственный член нашего коллектива, с которым он разговаривал на "ты". - Николай Федорович прекрасно разбирается во всем. Очень влиятельный человек.

ДО его скамейки нам оставалось пройти еще несколько шагов, когда Давуд Балаевич встал. К нему подошли двое знакомых - женщина и мужчина. До нас очень ясно доносились их голоса.

- О-о! - сказал Давуд Балаевич. - Какая встреча! Рад вас видеть!

Голос я узнал сразу. Лица я не видел. Я часто раньше думал, в те времена, когда ни о чем другом больше не мог думать, что я почувствую, когда увижу ее снова, что скажу, если увижу ее когда-нибудь... Сейчас все выглядело по-другому, этот вариант я не предусмотрел. Она не знает, что я стою совсем рядом и слышу каждое ее слово. Меня этот вариант встречи очень устраивает. Только кончики пальцев онемели и перехватило в горле, но и это нормально, обычная физиология, организм реагирует на неожиданность.

Адиль с тревогой посмотрел на меня.

- Уйдем? - предложил он.

- Почему же "уйдем"? - небрежно сказал я. - Мы же гуляем, так идем себе дальше. Все в порядке, Адик. Ты не беспокойся.

- Конечно, все в порядке, - с облегчением согласился Адиль, когда мы прошли несколько шагов по аллее. - Столько лет прошло!

Действительно много. Вот только бы самому определить точную дату начала отсчета. Можно начать с утра того дня, когда я готовился пойти в консерваторию сдавать экзамен по специальности. Это было хорошее утро. Приятно вспомнить. Я уютно отнес на кухню, тетка была там, готовила завтрак.

- Уже погладил? Так быстро?

Все-таки не выдержала, пошла в комнату. Сняла со спинки стула рубашку, оглядела, только головой покачала, сказать-то нечего. В следующий раз я, чтобы ей сделать приятное, хоть одну морщинку оставляю. А то жалко ее, придраться не к чему - рубаха вся как из белого металла, ни складки, ни пятнышка, я сам отсинил ее и открахмалил, а дальше пустяки, когда пике чуть влажное, гладить его - сплошное удовольствие. Я и брюки решил чесучовые надеть, все-таки самый главный экзамен летней сессии - специальность, тем более что у меня есть предчувствие, что я его благополучно сдам. Насчет гармонии я наперед знал, что завалю ее, вот и пошел на экзамен в парусиновых брюках. Вообще-то я чесучовые стараюсь пореже надевать, добился этим, что второе лето хожу в приличных брюках.

Тетка после рубахи и брюк меня оглядела.

- Вид у тебя приличный, - на половине такта она остановилась, мол, внешне-то вид, может быть, и приличный. - Сдашь экзамен? - Я кивнул, она подошла к шифоньеру, принесла деньги, протянула мне. - Возьми, дядя тебе оставил на карманные расходы. До конца недели.

Неожиданный подарок судьбы! Насчет всей недели видно будет,, а сегодня эти два рубля нам пригодятся - мы с Адилем договорились после моего экзамена пойти на бульвар, там по какому-то случаю на вечер объявлено крупное гулянье. Адиль сказал, что он и какого-то своего приятеля захватит, не то Сеймура, не то Теймура, они в одном клубном оркестре играют. Адик говорит, что этот его приятель не помешает, он веселый, но, если попросить, может и помолчать. Девяносто килограммов весит, и все девяносто - сплошные мускулы. На спор правым бицепсом медную проволоку рвет. Сегодня на бульвар по случаю всенародного веселья непременно ребята из Крепости завалятся. Адик уверяет, что вид его приятеля на всех сразу же действует успокаивающе.

Четверку получил. И то хлеб! Честно говоря, я мог рассчитывать и на большее, я этот концерт ми-бемоль Листа с закрытыми глазами играю. На каденциях споткнулся, а уж это чистое невезение, десять раз подряд я их чисто проходил. Розалия говорила, с блеском, а вот на одиннадцатый, как нарочно на экзамене, споткнулся, левая рука не потянула. Могли бы и пятерку поставить в память деда. Мне-то эта пятерка ни к чему, я не карьерист, а стипендия все равно уже погорела из-за гармонии. Мне перед Розалией неудобно. Я спустился в зал, сел рядом; она шепотом спрашивает:

- Ах, как не повезло! Подумать только! Ты очень переживаешь? . Я для виду кивнул с грустным видом.

- Ничего, Розалия Наумовна, - говорю. - На будущий год будет пятерка. Для приличия посидел немного, потом незаметно уполз.

Я подошел к дому, смотрю, Адиль уже у ворот. Обшлага брюк бельевыми шпильками у него пришпилены, собирается на велосипеде поехать.

- Сеймур еще не пришел. Ты меня минуту подожди...

- Не будь эгоистом, - говорю, - мне надо после экзамена рассеяться, - а сам уже сижу на вилочке. - Один круг только вокруг сквера сделаю и сразу же назад. На все удовольствие восемь минут!

- Честно? Один круг!

- Обижаешь!

Я раза два крутанул педали, больше и не понадобилось - лечу себе вниз по проспекту, только и слышно - шины об асфальт шелестят. До чего приятно! Когда едешь быстро, даже не на спортивном велосипеде, как сейчас, хоть на каком-то паршивом трамвае, в голову всякие приятные мысли от скорости лезут. Петь хочется! На трамвае-то не очень попоешь, а тут можно, никто не услышит. Еду себе на громадной скорости и напеваю...

И тут этот негодяй на дорогу выскочил! До него метров пять оставалось, я заорал как сумасшедший, тут-то он меня и увидел, увидел и перепугался, морда сразу на заячью стала похожа, да и сам он был ненамного крупнее зайца, лет десяти мальчишка, не старше. Вместо того чтобы в сторону отпрыгнуть, на месте мечется. Я только и успел руль до отказа вывернуть. Все остальное велосипед сделал уже сам - сперва трахнулся передним колесом об гранитный бордюр и сразу же вслед за этим опрокинулся, перевернулся раз или два вместе со мной. При этом мы кого-то из прохожих задела, не знаю только, кто из нас - не то я, не то велосипед.

Я не сразу сообразил, что перед самыми глазами у меня асфальт, с такого близкого расстояния я его в первый раз видел. Поднял голову, а вокруг люди стоят, и вид у них довольно-таки испуганный. Я поднялся, на ногах стою с трудом, и во рту у меня какой-то очень противный вкус. До того противный, что я чувствую, еще минута, и меня у всех на глазах вырвет. Я про себя думаю, хорошо бы добраться до того дерева, что у стены.

Добрался. Обнял я это дерево, даже глаза закрыл от удовольствия, но потом решил их открыть. Чувствую, что со лба что-то теплое капает.

Все как во сне! Стоит передо мной какой-то дядька, лицо у него ужасно сердито, и достает из внутреннего кармана пиджака картонную коробку. Я просто обалдел, когда увидел, что он из этой коробки достает ампулу с йодом и ватку.

Я, вместо того чтобы спросить, откуда он взялся со своей коробкой, говорю:

- У меня от йода волдыри на коже появляются! - Я это ему сразу сказал и быстро, потому что он уже ампулу разбил всю ее вылил на вату, а я с детства все лекарства ненавижу, особенно такие, как йод или горчичники.

- Лучше легкий обжог кожи, чем заражение крови! - тоже очень быстро ответил и, прежде чем я успел увернуться, притиснул эту проклятую вату к моему лбу. От боли я чуть на это дерево не влез. До того больно стало, что голова кружиться перестала.

Тут еще женщина какая-то подходит. У этой тоже лицо сердитое. Поначалу оно мне показалось знакомым и приятным, и вдруг я увидел, что у ее платье от правого плеча до пояса разорвано и она его стянула в двух местах и придерживает руками. Тут я вообще перестал от страха соображать, когда увидел, что это за платье. Я об этом материале, из которого сшито ее платье, можно сказать, все знаю. И самое главное, знаю, что это самый редкий и дорогой материал на свете. Он до того ценный, что лучше его наедине с портнихой не оставлять, моментально кусок оттяпает. И потом продаст по очень дорогой цене. Когда я увидел это разорванное платье, я сразу понял, что здорово влип. Из точно такого кружевного материала три года назад себе сшила платье тетя Мензер. За эти три года я об этом материале все и узнал.

- Извините, - я ей сказал.

В основном я извинялся за то, что с ног ее сбил, за разорванное платье из такого материала одними извинениями не отделаешься.

- Извините, пожалуйста.

Она ничего не сказала, усмехнулась только и вдруг повернулась и пошла прочь.

Откуда-то милиционер появился. Одной рукой велосипед придерживает, другой меня за плечо ухватил.

- Велосипед чей?

- Товарища, - говорю. - Друга моего.

- Понятно. Пошли. Кому говорю? Ну!

Прохожий с йодом вступился было за меня, милиционер с ним и разговаривать не стал.

- Отойдите, гражданин, поскорее, лучше будет, - и тянет меня за плечо. Я бы, конечно сразу от него рванул, ни за что бы он меня в сапогах и с кобурой на боку не догнал, если бы не велосипед.

- Оставьте его в покое! - это женщина в разорванном платье сказала. Оказывается, она вернулась. Очень спокойно сказала и негромко. Милиционер на нее уставился, видно, сразу не сумел сообразить, как бы ей ответить получше. Пока он соображал, к нам еще один человек в милицейской форме подошел старший лейтенант. И спросил, что здесь происходит. Но прежде чем спросить, он отдал честь. Не мне и не милиционеру, а этой женщине в разодранном платье.

- Этот парень, - сказал милиционер, - на неизвестном...- он так и сказал "на неизвестном", - велосипеде совершил наезд на эту гражданку.

- Он ни в чем не виноват, - сказала она старшему лейтенанту. - Я видела, как мальчишка на дорогу выскочил. - Прежде чем старший лейтенант ей ответил, она обратилась ко мне: - А тебе надо привести себя в порядок.

И тут мне все вообще стало безразличию. Я только теперь это заметил! Вот несчастье так несчастье! Кровь с рубашки смыть можно, это нетрудно, если отмочить ее сперва в холодной воде... А какой смысл теперь ее мочить в холодной воде, если весь правый рукав

моей новой рубахи был разодран в клочья, а из правой штанины чесусовых брюк выглядывало голое колено?!

- Ты себя плохо чувствуешь?.. Помогите, пожалуйста, - она кивнула на велосипед. Я почувствовал, как она дотронулась до моего локтя. - Пошли.

- Я отнесу, - сказал старший лейтенант и отобрал у милиционера велосипед.

Ее подъезд оказался совсем рядом. Мы подождали старшего лейтенанта на лестничной площадке, потому что велосипед не поместился в лифт и ему пришлось вкатить его на третий этаж по лестнице.

- Извините, - сказала она. - Наверное, вам было тяжело?

- Что вы, - радостно сказал старший лейтенант. - Это же пустяки. Может быть, еще что-нибудь нужно? Я с удовольствием.

- Все в порядке, - сказала она. - Спасибо.

- Вы не обижайтесь, - сказал старший лейтенант. - Этот милиционер вообще-то старательный.

- Все в порядке, - она приветливо улыбнулась ему и открыла ключом дверь. Поставьте велосипед сюда. Спасибо. Всего вам доброго. А ты чего стоишь в дверях? - удивленно сказала она мне. - Входи!

И я вошел.

Стены в передней были оклеены афишами. От пола до потолка. "Отелло", "Чио-Чио-Сан", "Перикола"... Так это же она - Марьям Кадри. Я ее по радио слышал, и еще пластинки-Меццо-сопрано, народная артистка республики.

- Посиди минутку, я только переоденусь.

Рояль до чего знакомый, аж сердце екнуло. Поднял крышку, так и есть, "Мюльбах" концертный. Звучит он... Я-то знаю, как он звучит! На том рояле, о котором я все знал, в правом углу щель была прорезана для модератора; пришел из школы, смотрю, вместо него в углу стоит пианино. Одно название, а на самом деле черная свинья, ящик, набитый битым стеклом и разобранными будильниками, меня после первого же аккорда мороз по коже продрал.

- Видишь, - сказала тетка Валиде. - Видишь, он недоволен! Он может учиться только на концертном рояле, ему Муз-трест не нравится! Губы надул!

- Это был деда рояль.

- Это был деда рояль.

- Вот именно... Он сам заработал деньги, купил этот рояль и сам на нем играл. А из тебя еще неизвестно что получится! Учился бы по-человечески; может быть, и не продали бы его. А тройки свои получать ты и на этом пианино сумеешь. Хоть бы подумал, из каких таких заработков твоему репетитору нам платить приходится.

На рояле были ноты разбросаны. "Элегия" Дебюсси. Почему-то мне подумалось, что это хорошая вещь, хотя по названию судить - самое последнее дело.

- Вот тебе халат, иди в ванную и приведи себя в порядок, - она переоделась и как будто стала меньше ростом.

Из ванной я слышал, как она, позвонила куда-то и сказала, чтобы ее не ждали.

Ее платье, небрежно свернутое, уже валялось в углу. Я поднял его, от него пахло духами с очень нежным теплым запахом. Я сложил его и опустил на то же место в кафельном углу, оно даже там неплохо выглядело, потом снял с себя рубашку и брюки и надел чужой халат.

Я еще некоторое время простоял в ванной, разглядывая расставленные на полочке флаконы с духами, баночки и тюбики с кремом. Очень уж не хотелось, чтобы меня кто-нибудь видел в этом халате, в него свободно еще один такой, как я, поместился бы.

Она посмотрела на меня, когда я вошел в этом дурацком халате, и улыбнулась.

- Скажите, пожалуйста, у вас есть нитки и иголка?- думаю, зашью дыру на брюках и рвану отсюда. Пока она о своем платье не вспомнила.

- Разумеется, - говорит, - есть. И нитки, и иголка. У тебя голова не кружится? Хорошо, что не кружится, значит, без сотрясения мозга обошлось. Садись, я все принесу.

Принесла поднос с чайником и стаканами, кусок пирога. Я только глоток сделал, смотрю, она за мои брюки взялась, тут я сразу с места вскочил, выхватил их у нее из рук.

- Извините, - говорю, - я их сам зашью. Она даже вздрогнула.

- Первый раз, - говорит,- вижу, чтобы человек так своими брюками дорожил.

- Совсем я не дорожу им, просто я люблю сам свои вещи зашивать.

Я продел нитку в иголку и принялся за ремонт. Все! Пропали брюки, в них теперь только до дома и можно будет добраться. Придется теперь в парусиновых до конца лета ходить. Она молча смотрела, как я стежки делаю, потом говорит:

- Ловко! Я бы так пожалуй, не сумела бы. Ты портной?

Я к этому времени кончил зашивать брюки, откусил нитку и говорю:

- Нет, я не портной. Моя фамилия Мамедбейли.

- Это профессия такая - Мамедбейли?

Когда она спросила, я сразу почувствовал, что она догадалась, о чем речь.

- Нет, не профессия. Это моя фамилия и моего деда - великого композитора.

- Так уж и великого?

Тут я удивился. В первый раз в жизни человека увидел, который моего деда великим не считает. Я даже растерялся немного:

- Конечно, великого. Его же именем улица в Баку названа, музучилище... Вы знаете, что он написал?

- Чего уж там, - и вдруг она взяла и небрежным тоном перечислила все, что дед мой написал: и оперу, и две симфонии, и даже названия романсов, все перечислила.- Ну и что? Великий! Педагог он хороший был, ну и композитор в общем неплохой...

Смотрю на нее и думаю, что же это она такое говорит.

- Ладно, - она усмехнулась. - Не будем больше о твоём дедушке говорить.

К этому времени я и на рубахе дыру зашил.

- Может быть, ты все-таки съешь пирог?

Вообще-то самое лучшее было бы уйти, но, с другой стороны, это было бы невежливо. Все-таки я ее велосипедом сбил... А она хоть бы что, вот только дедушку охаяла, но это, кажется, не в отместку, может быть, она и на самом деле о нем так думает. Я быстро съел пирог, сижу допиваю чай и думаю, как бы встать и попрощаться. Она напротив сидит и тоже чай пьет, молча, о чем-то думает. Потом вдруг такое спросила, что я чуть-чуть не поперхнулся.

- Ты поешь?

- Как пою? В каком смысле?

- Господи! Петь ты пробовал, спрашиваю?

- Ну, пробовал!

- А ну-ка иди сюда! - села к роялю и откинула крышку. - Иди, иди, что будешь петь? "Танго любви"? - Она с восхищением покачала головой. - Такая тональность тебя устраивает?

Я кончил петь, а она молчит. Сидит, облокотившись локтями на крышку рояля, и молчит. Потом глянула на меня и как расхохочется.

Я повернулся и пошел к двери. Она говорит:

- Подожди. У тебя есть голос, и тембр красивый, с приятными обертонами, только скажи, сделай одолжение, где это ты научился так слова произносить?

А слова при чем? Интересно.

- Как? - говорю.

- Как?.. Вульгарно, невыносимо, кошмарно... Не обижайся! Слушай, ты что, не знаешь, что на свете существует такая буква- "е"?

- Знаю.

- Так почему же ты вместо нее обязательно "э" произносишь. Как лучше сэрдце или сердце?

У нас во дворе и даже на улице всем почему-то нравится, когда я пою "Танго любви". Я же ничего не придумал, как услышал в первый раз в Бакпорте - его в тот вечер Евгения Дэвис пела, - так и пою. Ариф Керемов точно так же поет.

А она все хохочет, никак остановиться не может. Тут и мне смешно стало. Смеюсь, а на душе легко-легко отчего-то.

- А как вы догадались, что я пою?

- Ничего я не догадалась. Услышала. У тебя ведь голос сам из глотки рвется, даже когда ты своего деда расхваливаешь. Ладно, ладно, о дедке твоим ни слова больше не скажу. Великий у тебя был дед. Договорились?

Вот в эту минуту, стоя у дверей и совсем было уже собираясь уйти, я вдруг увидел, какая она красивая. Я хотел ей ответить, поблагодарить и попрощаться, но почувствовал, что слова вымолвить не могу. А до этого ведь совершенно свободно с ней разговаривал. Еще я почувствовал, и это во мне надолго осталось, что ничего больше мне не надо, лишь бы она всегда стояла так близко, чтобы я ощущал запах ее волос, чтобы видел ее губы и глаза, которые смотрели на меня и улыбались радостно и ласково, чтобы я знал, что могу до нее дотронуться, если осмелюсь протянуть к ней руки.

...Нас долго не отпускали со сцены. Мы на "бис" еще две вещи исполнили, потом все-таки дали занавес. Давуд Балаевич, по-моему, больше всех нас уставал от концертов, во время любого номера никуда из-за кулис не уходил, стоял и не сводил глаз с оркестра. Сегодня, как дали занавес, бросился всем пожимать руки: "Успех, это настоящий успех!"- Единственно, что его сейчас огорчало, это два незанятых места в первом ряду, не пришел его таинственный влиятельный приятель.

А у дверей стоят люди и дожидаются нашего выхода, у нас в Ялте много новых знакомых появилось. Некоторые на все концерты подряд приходили. Давуд Балаевич про них говорил, что это настоящие бескорыстные любители искусства. Сеймур, правда, тут же заметил, что их можно понять, на курорте от безделья и скуки никакого другого спасенья нет: или ресторан и прогулки по набережной, или же наша капелла, но никто на его слова не обратил внимания, в оркестре все знают, что он суеверный, боится, как бы нас не сглазили. Ребята все до одного ужасно довольны, я-то их понимаю, никогда еще дела наши не шли так хорошо!

Сеймур некоторое время шел рядом, а потом вполголоса спросил у меня:

- Слушай, может быть, мне послышалось, что ты сегодня немного форсировал верха?..

Мы переглянулись с Адилем, Сеймур зря говорить не станет, но, с другой стороны, я то почувствовал бы. Неприятно мне стало, просто жуть! Адиль ему говорит:

- По-моему, ты ошибаешься, голос шел совершенно свободно.

- Слава богу, - Сеймур отвечает, - но ты все-таки проверь, когда утром будешь распеваться. Ты сам как чувствуешь, не очень устаешь от концертов?

- Нет,- честно отвечаю. - Ни капли не устаю.

- Это ты от суеверия все придумал? - сердито сказал Адиль.

Сеймур захихикал, все-таки ужасно злобредный тип.

- Вот люди, - говорит.- И побеспокоиться о них нельзя.- Хотя кто его знает, может быть, он и впрямь беспокоится? - Спокойной ночи!

Какая уж тут спокойная! Я как зашел в номер, сразу же бросился к роялю, начал квинты проигрывать. Тут же Давуд Балаевич голову в дверь просунул, смотрит удивленно: мол, с

чего это я на ночь глядя распеваться вздумал. Но ничего не сказал, вошел, затворил за собой дверь, послушал немного, говорит:

- Прекрасно звучит голос! Ты сейчас в хорошей форме!

Тут я немного успокоился. Но не совсем. Я-то знаю, что это такое, голос сорвать, навсегда запомнил. У меня до сих пор и врага-то не было, которому можно было бы пожелать подобное удовольствие.

Тем временем Давуд Балаевич позвонил кому-то.

- Что ж ты, - говорит, - не пришел? - Тут я сразу догадался, что он с Николаем Федоровичем, своим приятелем, разговаривает. - Никаких извинений, все понял. Я бы очень хотел, чтобы ты до отъезда все-таки послушал ребят... Послезавтра мы в Доме творчества выступаем. - Давуд Балаевич заулыбался. Правильно догадался, в шефском порядке, бесплатно. Для них это значения не имеет, выступают на полном пределе. Сам услышишь!

Глава IV

Я сидел, облокотившись о край стола, и наблюдал за тем, как тетя Мензер и помогавшая ей Валида готовили сладости к весеннему празднику. Приятно пахло корицей и мускатным орехом. Тетя Мензер черпала столовой ложкой из большой стеклянной вазы мелко растертый наполоам с сахарным песком и пряностями миндаль и, запаковав эту божественную на вкус смесь в приготовленные заранее кружочки из сдобного теста, передавала Валиде, а та серебряными щипчиками с мелкой насечкой покрывала тугую овальную сферу будущего пирожка замысловатым узором. Вся комната была заполнена пряным ароматом корицы, ванили и муската.

Глава IV

Я сидел, облокотившись о край стола, и наблюдал за тем, как тетя Мензер и помогавшая ей Валида готовили сладости к весеннему празднику. Приятно пахло корицей и мускатным орехом. Тетя Мензер черпала столовой ложкой из большой стеклянной вазы мелко растертый наполоам с сахарным песком и пряностями миндаль и, запаковав эту божественную на вкус смесь в приготовленные заранее кружочки из сдобного теста, передавала Валиде, а та серебряными щипчиками с мелкой насечкой покрывала тугую овальную сферу будущего пирожка замысловатым узором. Вся комната была заполнена пряным ароматом корицы, ванили и муската.

Я терпеливо ожидал минуты, когда бы тетка и Ва-дида

вышли из комнаты.

- Валида-ханум, - сказала тетка, - помоги мне, пожалуйста, вынуть противень из духовки.

За это время, что они пробыли на кухне, я успел съесть, четыре столовые ложки миндаля с сахаром. Вернувшись, тетка молча отобрала у меня ложку, брезгливо держа ее двумя пальцами, отнесла на кухню, Щеки ее мгновенно покрылись розовыми пятнами.

- Ты никогда не станешь человеком, - сказала она. - Хорошим человеком. Отправляйся в свою комнату!

Я пошел к себе в комнату.

- Представляю, -- сказала Валида-ханум, - представляю, что тебе приходится выносить!

Я делал вид, что старательно разучиваю заданный этюд, когда пришла Эльмира. Она была одета совсем по-весеннему, поверх платья только жакет. Представляю, как переглянулись ей вслед тетка и Валида, когда она проходила через гостиную.

- Ладно, ладно, - сказала Эльмира, - теперь я окончательно поверила, что ты занимаешься круглые сутки.

Как только она вошла, стало радостно и спокойно. Все-таки Эльмира ужасно хитрющая. Какую-то лапку притащила.

- Как, по-твоему, что в ней? Не знаешь? - Эльмира развязала тесемки - в папке были ноты. - Перестань морщиться! Да, это ноты. Бетховен... Кто это такой?

- Людвиг ван... Родился в... Германии родился.

- Верно, - сказала Эльмира. Она открыла обложку. - Теперь посмотри, что он сочинил!

- "Соната".

- Ты удивительно проникательный, Ушки, - сказала Эльмира. - Соната, так и есть. Осталось самое легкое, догадайся, для чего я ее несла сюда через весь город?

- Не знаю! - я только глянул на первую страницу с четырехэтажными рядами нот, щедро окропленными бесчисленными диезами и бемолями, и мне сразу же расхотелось о чем-то догадываться.

- Кажется, ты догадался, - сказала Эльмира, она принесла стул и поставила его рядом с роялем, потом взяла обе мои руки в свои, и, как всегда, это оказалось удивительно приятным. - Ушки,-сказала Эльмира,-через два месяца начинаются каникулы. Ты же знаешь, что; в день окончания занятий все классы дадут концерты. Знаешь? А теперь скажи мне, что ты будешь играть?

- Этюд Гедике.

- Ты инвалид? - ласково спросила Эльмира. - Скажи, не скрываешь?!. Тогда почему же ты должен играть Гедике? И вообще, почему в классе, где учится, кроме тебя, пятнадцать человек, ты должен считаться самым отстающим?

- Ничего подобного! - возмущенно сказал я. - Самые отстающие Васиф Мамедов и Гюля Алибейли!

- Возможно. Но и тебя, дружок, считают бесперспективным.

- Кто?!

- Педагоги. Поверь, я не придумала. Мальчик он неплохой, говорят, даже неглупый, но не очень способный!

Я почувствовал, что она говорит правду, и мне стало неприятно.

- А ты знаешь, что я на это ответила?.. Промолчала. Говорить-то пока нечего. Но у меня появился план. - Она разложила на пюпитре ноты, села за рояль, сыграла сонату. Окончив, повернулась ко мне.

- Понравилось?

- Здорово!

- Ты эту сонату сыграешь на концерте! Что это с ней сегодня? Я засмеялся.

- Ты представляешь? - мечтательным голосом сказала Эльмира. - Ты выходишь во фраке... Ладно, фрак отменяется, - согласилась Эльмира после того, как я хихикнул. - Все ждут. Ничего хорошего, конечно, не ждут. Все знают, что ты сейчас с грехом пополам сыграешь этюд Гедике, который ты зубришь уже два месяца... И вдруг тыходишь к роялю, садишься и начинаешь. - Она ударила по клавишам. - Ты представляешь? Какое у всех будет лицо. У всех. - Она неприметно кивнула на дверь в соседнюю комнату.

Я смотрел на нее замороженным взглядом. Картина показалась мне прекрасной.

- Молодец! - похвалила Эльмира. - Все понял! Будешь играть?

Я еще раз поглядел на ноты.

- Нет. Я не сумею. Правда.

- Балда! - в сердцах сказала Эльмира. - Я же!.. Я же сыграла ее, когда была в пятом классе! Пятерку получила!

- В пятом! - я обрадовался. - А я-то еще в четвертом учусь.

- Иди сюда, - она снова ухватила меня за кисти рук. - Я тебе скажу одну вещь... Обещай, что никому не расскажешь! Обещаешь? Это я ее сыграла в пятом классе. Но ведь ты гораздо способнее меня. Понимаешь? Даю тебе честное слово, я тебя не обманываю. Ты гораздо способнее меня, всех своих товарищей и всех педагогов в нашей школе.

Я сразу же понял, что это педагогический прием.

- У тебя нет самолюбия, ты мне поверь, - уже сердито сказала она. - Ты удивительно музыкален, у тебя абсолютный слух, - она больно потянула в разные стороны пальцы моей правой руки, - посмотри! Ты уже берешь полную октаву...

- Почему же тогда я плохо играю?

- Потому что ты ненавидишь музыку, вернее, учебу. Не знаю, откуда это берется. Ты злой! Всех ненавидишь! Слава богу, хоть ко мне хорошо относишься.. Или я ошибаюсь? Разучим сонату?

- Я же знаю, что не сумею. Ты только посмотри, какая там левая рука, я и за два года это не разучу!

- Я думала, - сказала Эльмира, - что ты меня любишь. И захочешь сделать мне подарок. Прощальный подарок.

- Прощальный? - я переспросил, еще только смутно ощущая смысл этого слова.

- Да, Ушки, - сказала Эльмира. - В апреле мы расстанемся. Ты же знаешь, у меня есть жених, в апреле я выхожу за него замуж. Я приглашаю тебя на свадьбу, ну а ты сделаешь мне подарок. Я очень хочу, чтобы на экзамене ты выступил лучше всех!

- И ты больше не будешь со мной заниматься?

- Да тебе уже и не нужен репетитор, - сказала Эльмира.- Лишь бы ты не ленился. - Она говорила с улыбкой, а я уже не слышал ее, потому что понял одно, что она уходит.

- А как же я?

- Ушки, - ласково сказала Эльмира, она попыталась меня обнять, но я отвел ее руки, встал и отошел в сторону. Мне не хотелось с ней разговаривать.

Все два месяца, оставшиеся до экзамена, я упорно занимался.

И на экзамене впервые за все время учебы я получил пятерку по специальности.

Я с трудом дождался конца ужина и, когда тетка принесла чай, протянул дяде табель.

- Молодец, - сказал дядя. Он передал табель тетке. - Ты видела, ни одной тройки!

Она начала его изучать, и тут я сказал, что хочу поехать к маме. Они оба сразу забыли о моих отметках и уставились на меня.

- Я хочу видеть маму! - сказал я.

Дядя ничего на это не ответил и смотреть на меня перестал, положил себе из вазы в блюдце варенье и начал пить чай.

- Если вы меня не отпустите к ней, я сам поеду!

- Если бы ты был ей нужен, - сказала тетка, - то она не бросила бы тебя двухлетним.

- Подожди, - сказал тетке дядя, - ты не то говоришь. - Потом обратился ко мне: - Ты мне уже второй раз говоришь об этом. Ты действительно очень хочешь поехать к своей матери?

- Никуда он не поедет! - сказала тетка, но дядя не обратил на ее слова, внимания, я видел, что он ждет моего ответа, и я, кивнул.

В воскресенье мы с дядей, поехали на вокзал. Дядя подошел к пятому вагону и поздоровался с проводником, оказывается, они знакомы, отдал ему мой билет и. попросил его за мной присматривать. Мы некоторое, время посидели с дядей в купе. Он сидел молча и о чем-то думал, но несердито, потом, когда раздался звонок, погладил меня по голове, положил во внутренней карман моей куртки конверт, сказал, чтобы я передал его маме и ушел. Не стал дожидаться отхода поезда, а сразу ущелья из окна видел. Я вынул конверт, он был незапечатанный, там были деньги. Утром поезд пришел в. Ростов. Как только мы с проводником вышли на перрон, к нам сразу же подошла моя мама. Она меня сразу узнала, обняла, сказала, что я ужасно вырос, сперва улыбалась, а потом заплакала, но сразу видно было, что от радости. С ней рядом стоял мужчина, он, как только увидел меня, сразу же подмигнул мне, протянул руку и сам познакомился. Это был дядя Виктор, и он мамин муж. Очень веселый и хороший человек.

Пока я был в Ростове, дядя Виктор почти каждый день водил меня в свой театр. Я там со всеми быстро познакомился, забирался в оркестровую яму и смотрел спектакли с участием дяди Виктора, мне больше всех понравились "Финист - ясный сокол", "Вей, ветерок!" и "Анжело". Маму мне на сцене увидеть так и не удалось, и я очень об этом жалел, потому что в театре все говорили, что она очень хорошая актриса. Дело в том, что у нее месяц назад родился ребенок дочка. Я ее увидел сразу, как только мы приехали с вокзала. С ней на это время оставалась мамина подруга - Вера Степановна, она тоже работает в мамином театре. Мама сказала, что девочку назвали Леночка и что я ее должен любить, потому что она моя сестренка.

Мне поставили раскладушку, дядя Виктор ее принес, и мне очень нравилось на ней спать. Жили мы все в одной комнате, но дядя Виктор сказал, что театр скоро получит квартиры для актеров и тогда им дадут отдельную квартиру.

В Ростове я прожил целую неделю, а потом уехал. Мама сказала мне, что она меня очень любит и ждет не дождется того дня, когда мы будем жить вместе, а пока, год или два, нам придется пожить отдельно. Она очень переживала, когда я уезжал, все время плакала, и я ее успокаивал, а потом не выдержал и сам заплакал, но это уже чуть позже, в вагоне, после того, как тронулся поезд.

Глава V

Во время чтения любого письма, независимо от качеств его содержания, стиля или почерка, я всегда испытываю чувство, похожее на зависть. Несколько раз я сам пытался написать письмо, но ничего из этого путного, кроме начала: "Здравствуй, дорогой такой-то...", у меня не получалось. Через пять-шесть первых строчек - на мучительный процесс их сочинения у меня уходило не меньше часа - я непременно останавливался для того, чтобы пробежать глазами запись убогой увертюры, каждая нота в которой невыносимой фальшью резала слух, и после этого, сгорая от нетерпения, немедленно приступал к исполнению, форма, манера и ритм которого предельно точно гармонировали с содержанием партитуры, - сперва аккуратно сложив лист в несколько слоев, я медленно, стараясь растянуть удовольствие, начинал разрывать его на мелкие клочья.

Вот так и получилось, что за всю жизнь я не написал ни одного письма. Должен сказать, что никаких особых неудобств в связи с этим я ни разу не испытал, с избытком довольствуясь в чрезвычайно редких случаях необходимостью телефоном или телеграфом для связи с еще более малым числом своих абонентов.

Несмотря на мелкий убористый почерк дяди, письмо с трудом разместилось на четырех тетрадных листах. Я его нашел только сейчас, случайно заглянув в чемодан, куда я его второпях забросил перед самым отъездом из Баку. Дядины письма напоминают дневник, оттого что все события в них независимо от степени их важности располагаются в строгом соответствии с их реальной хронологической последовательностью.

На первой странице он подробно рассказал о сильной, граничащей с воспалением легких, простуде тети. Далее следовало подробное описание ее страданий, но, чем они окончились, узнать не удалось, потому что на самом интересном месте повествование неожиданно прервалось сообщением ботанического свойства, из которого следовало, что в саду перед дядиным домом благополучно привились две новые виноградные лозы,

собственноручно высаженные дядей в мае, что, как известно, не самое лучшее время для посадок. О судьбе тети удалось узнать в начале третьей страницы, выяснилось, что она уже выздоровела и даже, несмотря на общую слабость и запреты врачей, иногда встает и ходит по дому.

Я очень ясно представил себе дом в Тбилиси, в котором я жил сутки, два года назад. Я заехал их навестить, возвращаясь из армии. В аэропорту я за пять минут закомпостировал в воинской кассе свой билет и сразу же поехал в город.

Оказалось, что они живут в самом центре. Я свернул с шумного, оживленного проспекта и, пройдя два-три квартала, неожиданно оказался на тихой тенистой улице Напареули. Калитка во двор оказалась незапертой, от нее к небольшому каменному домику вела через сад вымощенная кирпичом дорожка. Я поднялся на веранду и там увидел тетю Мензер. Она меня не сразу узнала. Я с ней поздоровался: "Здравствуй, тетя Мензер. Не узнали меня?", она ничего не сказала, только посмотрела широко раскрытыми глазами, потом подошла ко мне и обняла. Прижалась ко мне и стоит так молча. Она показалась мне маленькой и сильно исхудавшей; тогда я не сразу сообразил, что тетя Мензер за то время, что мы не виделись, сильно сдала и постарела. Она не спускала с меня глаз и, когда звонила к дяде на работу, набрала номер и сказала ему всего два слова:

- Он приехал,

Я взял у нее трубку, поздоровался с дядей и спросил, как он поживает. Он мне говорит:

-- Ты до моего прихода никуда не уходи. Ладно? Я через десять минут буду дома, - и даже не говорит, а почти шепчет.

Мы весь вечер просидели втроем на веранде. Дядя и на следующий день на работу не пошел, и, как выяснилось, совершенно зря не пошел, потому что сразу же после завтрака он как завелся со своими разговорами о моем трудоустройстве, так УЖ и "е остановился почти до самого обеда, я говорю почти, потому что на обед я не остался, ни сил не хватило бы, ни терпения. Он сделал паузу, я встал и спустился в сад, походил там немного, только веселее мне от этого не стало; потом я вышел на улицу. Так и уехал не попрощавшись.

Под новости служебного и официального характера была отведена вторая половина третьей страницы, из нее я узнал, что в дядином министерстве в Баку наконец закрыли отдел, который своей дезорганизующей деятельностью на протяжении многих лет вносил помехи в координацию работы филиалов, находящихся за пределами республики. О специфике филиалов сказано не было, дядя справедливо полагал, что я сумел ее изучить, читая его предыдущие письма.

Сведения, стремительно проникшие в мой мозг с четвертой страницы, оказались настолько мощными, что почти одновременно со мной их действие ощутил на соседней кровати Адиль. Иначе, ничем другим не сумею объяснить того факта, что спокойно дремавший Адиль на середине четвертой страницы поднялся и, усевшись на кровати, вперил в меня взгляд, вдруг загоревшийся жаждой познания.

Дядя писал, что в Тбилиси приехала из Иркутска и вот уже несколько дней живет у них дома моя сестра Лена. Приехала она с единственной целью увидеть своего единственного брата - меня. По словам дяди, она мечтала об этом на протяжении многих последних лет, и, как

только представилась первая возможность, она ею воспользовалась. О том, что дядя работает в тбилисском филиале, а следовательно, там же находится его семья, она узнала, написав письмо в дядино министерство, с просьбой прислать его адрес. Дядя писал, что Лена оказалась очень милым и отзывчивым человеком, из чего я сразу же понял, хотя в письме насчет этого не было ни слова, что она ухаживает за выздоравливающей теткой и помогает ей вести хозяйство.

Я протянул письмо Адилью и, пока он читал, добросовестно сделал несколько попыток вспомнить хоть что-нибудь, связанное с моей сестрой Леной.

- Это же здорово,- сказал Адиль. - Ты представляешь, у тебя есть сестра!

- Представляю, - признался я. - Ну и что? Я давно звал, что у мамы есть ребенок от второго мужа, а сегодня выяснилось, что подросткового ребенка зовут Лена.

- Беги дай телеграмму, чтобы она прилетела в Ялту!

- Зачем? - я искренне удивился. - Я же ее совсем не знаю и не испытываю к ней ни любви, ни даже интереса. Пусть себе поживет немного в Тбилиси, судя по письму, старикам она понравилась, а потом, когда кончится отпуск, уезжает к себе в Иркутск.

Адиль уже меня не слышал, он вошел в роль любящего брата.

- Вот если бы я узнал, что у меня где-то живет сестра, - мечтательным голосом заявил он и надолго задумался.

- Ну и что бы ты сделал по этому поводу? - заинтересовался я.

- Да я бы ни одной минуты не стал бы ждать, сразу бы бросился на поиски. Шутка сказать, где-то на белом свете живет родной мне человек, а я лишен возможности его видеть. Каждый день видеть!

- Твои трогательные рассуждения, - объяснил я Адилью, - прежде всего непрофессиональны. Саксофонисту нельзя быть таким сентиментальным, рано или поздно это отразится на игре. Вот если бы ты был скрипачом или хотя бы флейтистом, то пожалуйста, им самим богом положено слюни распускать.

- Слушай, - сказал Адиль. - Идем на почту, у нас до' концерта еще есть время, и дадим телеграмму в Тбилиси.

- Отстань, - твердо сказал я.

Странно, но весь этот разговор вызывал у меня раздражение. Мне стало неприятно оттого, что Адик это заметил. Ой стоял у окна и внимательно разглядывал морской вид. Я подошел к нему, встал рядом и сказал:

- Ты меня извини!

- Сходи, дай телеграмму!

- Все! - с облегчением сказал я. - Свои извинения беру обратно!

В два часа мы поехали в Дом творчества - давать дневной концерт. Валера сказал, что он находится за городом, на полпути между Ялтой и "Артеком". Так и оказалось, ехали мы туда часа полтора, сперва по шоссе, а потом по узкой, зажатой с обеих сторон скалами асфальтированной дороге, спускающейся круто закрученным серпентином к самому морю. Сеймур всю дорогу ворчал, что это неправильно ехать в такую даль ради бесплатного "шефака", зная наперед, что вечером предстоит серьезная работа. Я все ждал реакции Давуда Балаевича, который сидел рядом с ним, но он почему-то промолчал, о чем-то сосредоточенно думал, и лицо у него при этом было хмурое. Мне очень понравился зал, где нам предстояло выступить. Небольшой, с антресолями и огромней люстрой из потемневшей бронзы, цветным паркетом. Стены от пола, выложенного цветным паркетом, до потолка были обшиты коричневым резным деревом, но от этого он не казался мрачным, может быть, из-за огромных витражей из рубинового и темно-зеленого стекла. Я точно знал, что этого не было, но, как только мы вошли, мне показалось, что я уже когда-то бывал здесь, - а может быть, видел его во сне.

Сеймур оглядел зал с озабоченным видом и сказал, что в этом небольшом помещении с неизвестными акустическими качествами нам придется сегодня обойтись без усилителя, а что из этого получится, он предсказать не берется, по причине того, что мы все давно отвыкли от выступлений без микрофона. Инструменты давно уже были установлены на небольшой сцене под деревянной лестницей, ведущей на антресоли.

Валера сказал, что все обитатели дома обедают и появятся через минут тридцать. Сеймур сразу же завелся на тему пренебрежительного отношения к безропотным артистам и вообще о повсеместном презрении к беззащитным служителям музыки, которых, конечно же, никому не придет в голову пригласить за хозяйский стол.

Сцена "Пролога" была прервана появлением Давуда Балаевича, который объявил нам, что, зная наше мнение на этот счет, отклонил приглашение дирекции пообедать по причине предстоящего выступления. Это было правдой, никому из нас не пришло бы в голову что-то съесть, зная, что через полчаса предстоит выйти на сцену. Он начал нам рассказывать о зале, в котором мы находились, оказывается, здесь произошло за последние двести лет несколько исторических встреч на самом высоком уровне, на которых решались судьбы всего мира. Рассказывал он рассеянно, все время поглядывая в сторону выхода, и вдруг, прервавшись на полуслове, вышел из зала.

Так нам и не удалось из-за каких-то таинственных причин, видимо представляющих большой интерес для одного из наших современников, узнать о содержании и подробностях бесед великих деятелей прошлого.

Давуд Балаевич вернулся преображенным через пять минут. Он был возбужден и нервно потирал руки, это всегда являлось безошибочным признаком, что его настроение под влиянием только что испытанных эмоций положительного свойства подбирается к сияющим вершинам душевного равновесия и радости.

- Ребята, - сказал Давуд Балаевич. - Он пришел! - Он посмотрел на наши лица и с огорчением увидел "а них, вернее, не увидел, отклика соответствующего его ожиданию. - Я же вам говорил, - сказал он. - Это Николай Федорович, мой институтский друг. Очень влиятельный человек. Влиятельный и доброжелательный. От него зависит очень многое.

- Мы уже слышали о том, что он влиятельный, - сказал, улыбаясь, Сеймур.

- Вы напрасно улыбаетесь, маэстро, - холодно и высокомерно сказал Давуд Балаевич, - и напрасно думаете то, что думаете. Ни один человек не может сказать обо мне, что хоть когда-то замечал за мной склонность--к угодничеству и подхалимству. Да, да! Вы это подумали. Говоря о своем друге Николае Федоровиче, я главным образом имею в виду, что, будучи влиятельным человеком, то есть занимающим один из главных официальных постов в нашем искусстве, он вместе с тем является тонким ценителем музыки и разбирается в ней на самом высоком профессиональном уровне, что по нашим временам является чрезвычайно редким явлением. И я хочу сказать, что если сегодня он по достоинству оценит наш коллектив, а достоинства эти достаточно высоки." то в вашей судьбе могут произойти серьезные изменения.

- Например? - неприметно улыбнувшись, но с самым заинтересованным видом спросил Сеймур.

- Например, для начала выступления в одном из концертных залов Москвы или по Центральному телевидению... - он победоносно оглядел наши лица и на этот раз увидел на всех без исключения надежду и ожидание. - Не скрою, я сомневался, я боялся, что он не придет. Но это случилось, а остальное теперь в ваших руках. Все.

Я понял, что на ребят его слова произвели впечатление, даже на Сеймура. Это сразу почувствовалось по их игре. Они вообще на этих гастролях играли в полную силу, без малейшей халтуры, а сегодня я почувствовал, с самого начала услышал, что они играют на полном пределе. Сеймур уже в первых двух вещах почти всем ребятам дал возможность показать, на что они способны. Из небольшой комнатки, где я сидел, зала видно не было, но по тому, как прореагировали на соло Адиля и Бориса, я понял, 'что собрались там люди понимающие. Хотя Сеймур еще утром утверждал, что выступать перед писателями, композиторами, и актерами - дело неблагодарное и трудное.

Наступила и моя очередь. Зал был переполнен, первые ряды слушателей расположились в двух метрах от нашей площадки, а последний заканчивался креслами, поставленными в проеме раскрытых дверей.

Пока Сеймур затейливо плел вязь вступления "Верности", я успел рассмотреть почти весь зал. Я ожидал, что Давуд Балаевич сидит рядом со своим приятелем и благодаря этому мне наконец удастся его увидеть, но его в зале не было. Вместо него я увидел Марьям. Она сидела во втором ряду.

Все дни в Ялте, после того как увидел ее на набережной, и ждал, что встречу ее. Ждал каждую минуту, стоило мне выйти из номера. И ни разу не встретил.

Мне показалось, что за эти три года она ничуть не изменилась. Выглядит в свои тридцать пять лет по-прежнему трогательно юной и хрупкой. Она сидела прямо напротив во втором ряду и, улыбаясь, смотрела на меня. Когда мы виделись-с ней в последний раз, она не улыбалась.

- Ты меня очень мучаешь, - сказала она. - Я не могу понять, что ты хочешь, не могу понять, что с тобой происходит.

Я так и не сумел ей тогда ничего объяснить, потому что мне нечего было сказать. Я ощущал переполнявшую меня нежность и желание, прижавшись губами к ее лицу, сказать ей слова, которые никогда не надоедали ни ей, ни мне, повторять их и позже, когда она, поместившись вся целиком у меня в руках, слушала меня с закрытыми глазами, прижавшись к моему плечу уставшими прохладными губами. Я ничего не мог ей сказать, потому что ощущал к ней ненависть и злобу, от которой мне сводило руки и язык, мне хотелось оскорбить ее самыми грязными словами, ударить изо всех сил по лицу, смотревшему на меня с недоумением и тревогой.

- Он мой муж, понимаешь? Мы с ним познакомились за десять лет до того, как я узнала тебя.

- Ты же любишь меня! - я с трудом выговаривал слова. -W. Как же ты можешь спать я с ним и со мной? Какая же это любовь? Знаешь, мне все это надоело. Ты уйдешь от него или нет?

Она покачала головой.

- Нет.

- Но ты понимаешь, - сказал я, - что я не могу тебя больше видеть, пока ты с ним. Я последний раз спрашиваю?

С тех пор мы не виделись. Я думал о ней непрерывно, днем и ночью. Мысли и воспоминания о ней доводили меня до иступления, самым страшным был первый год, я ничем не мог заниматься днем, ни разу не заснул, не пролежав полночи на спине с раскрытыми глазами, перебирая в памяти все дни, проведенные с него, корчась от свирепой, не слабеющей со временем ревности. В первый раз я испытал ее в тот проклятый день, когда познакомился с ее мужем. До этой встречи я о нем ни разу не подумал и не вспомнил, хотя знал о его существовании, она мне рассказала, что он капитан "Грозного", пассажирского парохода, выполняющего рейсы между Баку и Астраханью. В те дни, что он был на берегу, мы встречались днем: я приходил в театр на все ее репетиции, часто, когда мы оставались в комнате наедине, Я пел ей или разучивал вместе с нею новые вещи. Иногда в такие дни мы виделись и вечером на ее спектаклях. Она пела тогда в "Чио-Чио-Сан" и "Евгении Онегине". У нее была очень красивая глубокая колоратура, и я слушал ее с наслаждением, зная, что и она со сцены видит меня и думает обо мне. Я пожалел, что согласился прийти, сразу же как только увидел его. Она познакомила нас, улыбаясь, сказала про меня, что я молодой, очень талантливый певец и вообще хороший мальчик'. Он встал с тахты и, пристально глядя на меня, крепко пожал руку. Мы были одного роста, но он показался мне огромным опасным животным, излучающим всем своим мускулистым грузным телом, и лицом с густыми бровями, и жесткой широкой полосой усов под крупным неровным носом волны злобной, неуправляемой мощи. Я подумал об этом тогда сразу и потом уже никогда ни на минуту не мог забыть, что он может, когда только ему захочется, ласкать ее тело и целовать ее губы. И еще я ощущал страх перед тем, что он может узнать, что я любовник его жены, со стыдом чувствуя, что этот страх внутри меня сильнее даже, чем ненависть. Я никому на свете не мог этого сказать. И не мог простить ни себе, ни ей.

Странно, но сегодня, глядя на нее, я с удивлением обнаружил, что не испытываю ни ненависти, ни злобы, не ощущаю в душе ничего, хотя бы отдаленно напоминающего, что я испытывал раньше.

Я пел, с удовлетворением ощущая в звучании голоса наполненность и свободу, чувствовал, как, полностью покорившись мне, он ровно и без напряжения, успев по пути мягко и вместе с тем с четко рассчитанной силой коснуться всех без исключения нот, устремляется выше. Пока нам аплодировали, я подошел к Сеймуру и попросил его дать вступление к "Празднику любви" Тольяферри. По выражению его лица я понял, что он забыл, как она звучит. Это и понятно, эту песню в последний раз мы исполнили года два назад. С тех пор мне ни разу не захотелось ее спеть. Я разучивал ее дважды. Второй раз - под руководством Марьям. Ей очень не понравилось, как я пою, когда она услышала ее в первый раз. Она сказала, что я пою неправильно: из-за желания взять как можно выше удерживаю идущую из горла лавину басового звука. Она сказала, что, если я буду продолжать петь на зажатых связках, голос, может быть, и пойдет вверх, но при этом необратимо потеряет свою естественную окраску. Она не успокаивалась до тех пор, пока я не стал петь, по ее словам, полностью восстановив свой тембр?

Я пел, с удовлетворением ощущая в звучании голоса наполненность и свободу, чувствовал, как, полностью покорившись мне, он ровно и без напряжения, успев по пути мягко и вместе с тем с четко рассчитанной силой коснуться всех без исключения нот, устремляется выше. Пока нам аплодировали, я подошел к Сеймуру и попросил его дать вступление к "Празднику любви" Тольяферри. По выражению его лица я понял, что он забыл, как она звучит. Это и понятно, эту песню в последний раз мы исполнили года два назад. С тех пор мне ни разу не захотелось ее спеть. Я разучивал ее дважды. Второй раз - под руководством Марьям. Ей очень не понравилось, как я пою, когда она услышала ее в первый раз. Она сказала, что я пою неправильно: из-за желания взять как можно выше удерживаю идущую из горла лавину басового звука. Она сказала, что, если я буду продолжать петь на зажатых связках, голос, может быть, и пойдет вверх, но при этом необратимо потеряет свою естественную окраску. Она не успокаивалась до тех пор, пока я не стал петь, по ее словам, полностью восстановив свой тембр?

Сеймур неодобрительно покачал головой, но начало все-таки дал. Наверное, так подействовала мелодия, которую я давно не слышал, - во время вступления я почувствовал, что всего меня охватывает трепетное, но приятное волнение. Я посмотрел на Марьям, и мне показалось, что она улыбнулась. Первые слова я сказал шепотом - я не собирался этого делать, получилось само собой, - я сказал шепотом, что сегодня у меня самый большой праздник, какой только может быть у человека, живущего на этом свете всего один раз, я сказал шепотом, что у меня сегодня самый большой праздник, потому что такого счастья ни одному человеку, живущему на этом свете, не могут дать ни деньги, ни сила, ни слова, потому что нет радостней праздника, чем тот, в чью честь и славу люди сложили эту песню...

Концерт затянулся до ночи, да и тогда нас не хотели отпускать, уезжали, можно сказать, с боем. Давуд Балаевич притворялся ужасно озабоченным, несколько раз бегал в кабинет директора договариваться о перенесении вечернего концерта. Но все видели, что он ужасно счастлив. У нас у всех было в этот вечер прекрасное настроение. После концерта мне казалось, что все до единого обитатели дома, даже повара и водители, по очереди подходили к нам, пожимали руки и говорили всякие взволнованные слова. Марьям тоже подошла, пожала мне руку, сказала, что я стал очень хорошо петь и она рада за меня, и сразу отошла. Я не успел заметить, куда она пошла, потому что как раз в эту минуту Давуд Балаевич подвел ко мне Николая Федоровича с женой и стал нас знакомить. Собственно

говоря, познакомились мы сами, он не успел слова вымолвить, как жена Николая Федоровича взяла и поцеловала меня, а он смотрел в это время на меня радостными глазами, и качал головой, и беспрерывно повторял: "Какой ты молодчина, просто молодчина! И откуда ты такой взялся?!"

Марьям я так и не увидел, все время искал ее глазами в зале, но ее не было. Сеймур время от времени настороженно поглядывал на меня, видно, в ожидании каких-то событий, и успокоился только в "Латвии".

Когда мы расселись, Давуд Балаевич сказал нам, что впечатление мы на всех произвели самое что ни на есть грандиозное, и теперь нам только и остается, что не зазнаваться и терпеливо ждать приятных перемен, потому что отныне время начнет работать на нас. Адиль сидел рядом со мною и все время, пока тот говорил, слушал его с разинутым ртом и сияющими глазами. Мы ехали по шоссе, освещаемому только светом луны, ребята быстро задремали, Адик тоже заснул, положив голову мне на плечо. Это здорово напоминало те дни, когда наш оркестр работал в клубе Сельхозтехники. Выезжали мы в районы почти каждый день за восемьдесят, а то и сто пятьдесят километров, бывало, что проводили в пути из-за полуторачасового выступления чуть ли не весь день. Я тогда уже ушел из дому и нигде не учился. Не знаю, сколько бы еще мы там проработали, если бы у меня не пропал голос. Совершенно пропал. Тогда-то Сеймур и объявил директору клуба о том, что мы уходим. Мы все при этом присутствовали, Сеймур весь трясся от злости и, ни разу не сострив, прокричал заведующему, требовавшему, чтоб мы проработали еще две недели, что из-за подлости и жадности этого его клуба человек потерял прекрасный голос, и угрожал подать на заведующего в суд. Сеймур и Адиль отвели меня к очень хорошему специалисту, и он, осмотрев меня, сразу же сказал, что голос я потерял на почве нервного перенапряжения, и стал меня успокаивать, хотя мне к этому времени все было безразлично. Он прописал мне курс иглоукалывания. Если бы не Сеймур с Адилем, я бы ни за что его до конца не прошел, потому что не верил в эти дурацкие иглы, которые втыкали в меня за сеанс по восемь - десять штук. Ребята каждый раз заходили за мной, и мы расставались только после сеанса. Через два месяца голос ко мне полностью вернулся. Но в клуб Сельхозтехники мы, несмотря ни на что, не вернулись.

Николай Федорович и его жена за всю неделю не пропустили ни одного нашего концерта. А вечером, накануне своего отъезда, он пришел к нам в гостиницу и сказал, что окончательно договорился насчет меня в Министерстве, культуры. Через месяц в Венгрии начинается фестиваль песни, и я там должен буду выступить. Я не сразу понял, что речь идет пока только обо мне одном. Николай Федорович объяснил, что мне придется выехать в Москву дня через два и там в течение месяца готовить с опытным концертмейстером программу. Мне сперва было неудобно, но потом я успокоился, когда убедился, что все ребята и Давуд Балаевич искренне за меня рады. Тем более, что Николай Федорович обещал уладить с филармонией все недоразумения, могущие возникнуть из-за отмены следующих после Ялты гастролей, так, чтобы оркестр не пострадал в материальном отношении.

В эту ночь я долго не мог уснуть.

Проснулся я, как всегда, рано. Так и есть, на часы можно было бы и не смотреть - без десяти пять! Как будто у меня внутри встроен будильник с заводом, не ограниченным по времени,

чуть ли не с самого детства это продолжается: как бы я поздно ни лег накануне, должен проснуться на рассвете. Никакого удовольствия мне это не доставляет, потому что, как правило, мысли в это время приходят на редкость паршивые; из всего, что можно вспомнить, почему-то утром вспоминается самое неприятное. Хотя сегодня, кажется, жаловаться не на что: еще сквозь сон я почувствовал - настроение у меня нормальное, а проснувшись окончательно, понял, что имею все основания назвать его хорошим и даже радостным.

Я встал и подошел к раскрытому окну. Ощущение прекрасного утра проникало в меня постепенно легкими лучами восходящего солнца, окрасившего нежным розовым светом спокойную поверхность моря, безлюдную набережную и сам воздух, пахнущий цветами и свежестью.

Адиль спал. Обычно он спал беспокойно, что-то невнятно бормоча во сне. Сегодня же, судя по спокойному лицу, ему снилось что-то приятное. Может быть, во сне он встретился с "кадром в желтом" и как раз сейчас они гуляют по набережной под окнами "Ореанды" или же завтракают на первом этаже его знаменитого дома на берегу Каспийского моря. Об этом доме - Адиль собирался построить его в будущем на побережье - знал весь оркестр. Весь второй этаж отводился, по проекту Адила, под комнаты, в которых будут жить приятные и близкие люди. Первый же этаж представлял собой просторный зал без единой перегородки. Здесь за длинным столом каждое утро будут в полном составе собираться на завтрак жильцы второго этажа. Завтраку на первом этаже Адиль придавал особое значение, он утверждал, что ничего не может быть приятнее, чем с утра встретить одновременно всех самых приятных людей за столом, где, кроме них, не увидишь ни одной противней морды.

Стараясь не шуметь, я оделся и вышел из номера.

Я прошел до конца всю набережную, в самом конце ее, у причалов, свернул в сторону и пошел бродить по тихим прохладным улицам.

Я не ощущал ни малейшего признака усталости, когда через два часа непрерывной ходьбы подошел к Ботаническому саду.

В самом конце кипарисовой аллеи, перед входом в большую оранжерею, сидел на скамейке пожилой человек в синей спецовке и соломенной шляпе. Он увидел меня сразу, как только я вошел в ворота, но во взгляде его я не почувствовал ни враждебности, ни даже настороженности, столь уместной по отношению к постороннему человеку, явившемуся в солидное учреждение столь рано, без специального пропуска на руках.

Он и дальше себя вел в полном соответствии с правилами этого утра, поднялся мне навстречу и приветливо поздоровался. И даже вопрос, с которым он обратился ко мне, прозвучал таинственным паролем.

- Вы пришли за кактусом?

- Нет. Я только хотел бы на них посмотреть.

На размышление ему понадобилось несколько мгновений, в продолжение которых он смотрел на меня прозрачными зелеными глазами, после чего молча кивнул головой. Он

остался сидеть на скамье у входа, а я вошел в оранжерею, до отказа набитую кактусами всех размеров и форм. Никогда бы, вплоть до сегодняшнего утра, не поверил, что созерцание этих толстых, распираемых изнутри зеленым содержимым колючек может доставить удовольствие.

Не меньше часа, с наслаждением вдыхая напоенный волнующим ароматом влажный воздух, я бродил между рядами кактусов, останавливаясь перед табличками с краткими сведениями об их происхождении и личной биографии, ни разу не уколотившись, гладил то лоснящуюся, то бархатистую поверхность прохладных упругих стеблей, любовался огромными пушистыми цветами.

Я вышел из оранжереи и поблагодарил его.

- Спасибо. Я получил большое удовольствие.

Он ничего не спросил: ни о моих впечатлениях, ни о причинах визита. Не нарушив ни одного из законов сегодняшнего утра, он пожал мне руку, улыбнулся и пригласил приходить и впредь.

Было почти девять, когда я пришел в дом отдыха. Я постучал в дверь номера, но никто мне не ответил. Тогда я спустился на первый этаж и зашел в столовую. Он с женой сидел за вторым столом от входа. Наверное, их удивил мой приход, но виду они не подали. Но что уж совершенно точно, в этих делах я никогда не ошибаюсь - они мне ужасно обрадовались. Все-таки это очень приятно, когда тебе радуются. Никогда к этому не привыкну. Мне и вправду есть не хотелось, но пришлось с ними позавтракать, хотя я и отказывался изо всех сил. Мы говорили о всяких пустяках, а я тем временем собирался с духом. Самое трудное - не знаешь, с чего начать, когда нужно сказать что-то неприятное хорошему человеку. Наконец я выбрал подходящий момент, хотя, наверное, он был никакой не подходящий, - это когда его жена ушла в номер, собирать вещи к отъезду, - и говорю:

- Вы только поймите меня правильно... - и замолчал. У него брови поднялись, он приготовился слушать, но продолжения не дождался.

-- Ну-ну, - сказал он. - Ты не беспокойся, я постараюсь тебя правильно понять. Что-нибудь случилось?

- В том-то и дело, что со вчерашнего дня ничего не случилось. Только мне будет очень неприятно, если вы подумаете, что я какой-то наглый тип или неблагодарный... Вы из-за меня звонили, кого-то просили, я же понимаю...

- Это не имеет никакого значения. - Он сразу меня перебил. - Ты раздумал ехать. Почему?

- Я очень хочу поехать, - сказал я чистой правду. - Только не могу. Я много думал и понял, что до сентября я никуда уехать не сумею.

- То есть до конца гастролей? - усмехнулся Николай Федорович. Он посмотрел на меня, и я удивился, как быстро у него изменился взгляд. Только что был добрый и рассеянный, а тут стал твердым и настороженным. - Ребята, что ли, против твоей поездки ?

- Они, наоборот, все рады за меня!

- Чудак!-сказал он и засмеялся. - Я же с Давудом при тебе все выяснил, они на твоём отъезде ни копейки не потеряют.

-Дело не в деньгах, - сказал я. - Дело в том, что они мои старые знакомые, мы вместе работаем... В общем, они май друзья...

Я посмотрел на него и замолчал. Думаю про себя: "Неужели вы не понимаете, что ничего, кроме этого, я вам сказать не могу. Ведь недаром же у вас седая голова и блестящие теплые глаза? Неужели вы сами не поймете, что дело не в деньгах? Не буду же я рассказывать, что если я уеду и гастролы закроются, то все на этом кончится и ребята опять начнут чувствовать себя музыкантами второго сорта. Они не знают, что почувствуют это, а я знаю. Слава богу, опыт в этом смысле у меня богатейший. И еще я знаю, что никогда, если уеду, никогда у меня больше не будет такого настроения, как сегодня утром".

- Только ты напрасно думаешь, - сказал Николай Федорович, - что я в твоих ребятах не разобрался, они действительно хорошие музыканты. И вы правильно делаете, что держитесь друг за друга. - Он улыбнулся непонятно чему. - И еще я хотел тебе сказать, чтобы ты не пил ни водки, ни вина, ни пива. Особенно по утрам. Ты должен очень беречь голос. Это большое богатство. И мне нельзя, категорически нельзя! - Он остановил официантку, попросил принести бутылку шампанского. - Кроме сегодняшнего утра! Мы сейчас с тобой выпьем. За тебя и за твоё будущее!

Мы еще долго сидели. В столовой уже ни одного человека, кроме нас, не оставалось, а мы сидели, и уходить не хотелось.

Я вошел в свой номер и сразу же остановился на пороге при виде перекошенной физиономии Адила. Он сидел за столом, мрачно разглядывая неподвижную и, судя по его сосредоточенному виду, очень ценную точку пространства.

- Что-нибудь случилось, неврастеник? - спросил я, вложив в свой голос предельное количество ласки и дружеской теплоты.

Взгляд его задержался на мне лишь на одно мгновение, но и этого мига оказалось достаточным, чтобы насекомое почувствовало, что его разглядывают. Насекомому это не понравилось. Я прошел мимо него в спальню и начал раздеваться, одновременно с этим пытаюсь доискаться причин плохого настроения друга и соратника.

- Может быть, украли саксофон? - громко спросил я у себя и сразу же ответил: - Да нет, вот он, развалился на моей вытуженной сорочке... Наверное, невоспитанный Сеймур попросил кое-кого при посторонних дамах сбегать за сигаретами. - Этого он не вынесет, или я не знаю Адила. Так и оказалось.

- Где ты шатаешься, черт тебя побери?! -сказал он, входя в спальню. - Он уже улегся! Всю жизнь ты был эгоистом!

Я не успел узнать у Адила, почему я эгоист, - пришли Давуд Балаевич и Сеймур. Давуд Балаевич, в отличие от своего ехидно улыбающегося спутника, был чем-то чрезвычайно взволнован.

- Лежи, лежи, - приветливо сказал Сеймур, хотя я и не собирался вставать. - Мы на минутку, поглядеть на тебя! Уходим, извини за беспокойство! - Он замолчал, но яд продолжал капать с его языка и к концу их визита образовал на паркете небольшую лужицу.

Давуд Балаевич обращался ко мне на "вы" и разговаривал изысканно вежливо. О" сказал, что всегда испытывал большое уважение к правам взрослого человека и никогда на них не посягал, но в коллективе должны существовать элементарные правила дисциплины и этики, да, да, этики, и пренебрегать ими никому не позволено. Если человек уходит куда-то на всю ночь, это его дело, но предупредить об этом он обязан.

- Никуда я на всю ночь не уходил! - давать объяснения из постели оказалось делом непривычным и трудным, но я, по-моему, с этим справился вполне сносно. Вот этот человек,- сказал я, пальцем показав на Адилья, - ввел вас в заблуждение. Я проснулся рано и вышел погулять. Все переглянулись и с осуждением посмотрели на потупившегося Адилья.

- И даже дежурная тебя не заметила? - с некоторым сомнением спросил Сеймур.

- Она спала... так же, как и Адилья.

- Странно, - сказал Давуд Балаевич, - все спали, кроме тебя. - Я заметил, что он снова перешел на "ты", и понял, что прощен.

- Давуд Балаевич весь город обегал, - сказал после их ухода Адилья, - жутко переволновался.

Спать мне расхотелось, я встал и пошел за ним в гостиную.

- А теперь объясни, почему я эгоист?

- А кто ты? - он ухитрился произнести эти слова без интонации вопроса, и я почувствовал к нему уважение. - За целую неделю не соберешься дать телеграмму родной сестре.

Последняя фраза представляла собой не что иное, как запрещенный демагогический прием, и на нее можно было бы не обращать внимания, но я с присущим мне великодушием ответил, что давать телеграмму из Ялты никакого смысла не было, я это понял, как только разглядел на конверте почтовый штемпель. Сестра Лена приехала в Тбилиси на неделю, и вернулась в Иркутск за день или два до того, как мы прочли дядино письмо. Может быть, сказанное не соответствовало действительности, но звучало очень убедительно.

- Ладно, - безразличным тоном сказал Адилья. - В конце концов, это твое личное дело. Пойду. С утра ничего еще не ел.

После его ухода я почувствовал, что радостное возбуждение утра покинуло меня окончательно. Мне стало неуютно, и я подумал, что давно уже не испытывал гнусного состояния одиночества. Я пошел в ресторан, но Адилья там не оказалось, и сразу же вернулся. Некоторое время просидел в бездействии перед раскрытым роялем, потом вышел на балкон. Праздничный пестрый поток струился по набережной, глядя на него, мне вдруг показалось, что все люди, составляющие его, каждый человек в отдельности, хорошо знакомы между собой и сейчас все одно временно участвуют в общем веселом разговоре. Все, кроме меня.

Когда пришел Адиль, я сидел за столом и в очередной раз пытался написать письмо. Он молча подобрал с пола разодранные в клочья листы и отнес их в корзину. Вернулся и сел напротив.

- Дорогой дядя... - сказал Адиль.- Нет, так не годится, нехорошо...

Я подумал, что он шутит, но, посмотрев на него, сразу же понял, что это не так, хоть он и улыбался, глаза его смотрели на меня внимательно и серьезно.

- Пиши! - сказал он. - "Дорогие дядя и тетя! Я очень вас люблю и поэтому часто вспоминаю и думаю о вас". Написал? "Мне неприятно, что мы до сих пор живем в разных городах и из-за этого видимся очень редко. Это неправильно. Близкие люди должны жить вместе. А ближе вас у меня никого нет. Мне кажется, что наступило время вернуться в Баку в нашу прежнюю квартиру..."

Я писал под его диктовку, и все предложения, которые получались, казались мне примитивными и неуклюжими. Он кончил диктовать и замолчал. Я перечел написанное. Странное дело, мне не захотелось его разорвать, даже в голову не пришло. Он молча наблюдал за тем, как я подошел к письменному столу и вынул из ящика конверт.

Я писал под его диктовку, и все предложения, которые получались, казались мне примитивными и неуклюжими. Он кончил диктовать и замолчал. Я перечел написанное. Странное дело, мне не захотелось его разорвать, даже в голову не пришло. Он молча наблюдал за тем, как я подошел к письменному столу и вынул из ящика конверт.

- Подожди, - сказал он, прежде чем я успел заклеить конверт.- А ты передал в своем письме привет... от меня? Ну что? Теперь убедился, что ты настоящий эгоист?

Я точно знал, что он шутит, но мне все равно стало приятно, когда он улыбнулся.